

ТЕМНАЯ СТОРОНА ГОРОДА

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ •
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ •
ДМИТРИЙ КОЛОДАН • МАРИЯ ГАЛИНА •
ВЛАДИМИР АРЕНЕВ •

**Далия Мейеровна Трускиновская
Андрей Сенников
Владимир Константинович Аренев
Тим Скоренко
Святослав Владимирович Логинов
Мария Семёновна Галина
Дмитрий Геннадьевич Колодан
Наталья Владимировна Резанова
Надежда Штайн
Василий Павлович Щепетнёв
Темная сторона города (сборник)**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6981791

Темная сторона города: фантастические повести и рассказы (сборник): Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-71889-4

Аннотация

Лавки волшебных товаров – обычное дело, но не все они торгуют настоящим волшебством. И уж тем более – не все они торгуют волшебством добрым...

В сборнике, куда вошли произведения ведущих российских писателей-фантастов, каждый рассказ или повесть – это товар из волшебной лавки. И в этой лавке найдется все – от деревянной куклы, которая помогает сотрудникам НКВД разоблачить германскую шпионскую сеть, до таинственного как-чиль-чиракана – существа с мордой каймана, телом червя и лапами жабы, обитающего в озере Чадьевском, что на севере России...

Святослав Логинов, Дмитрий Колодан, Василий Щепетнев, Наталья Резанова, Мария Галина, Далия Трускиновская в уникальном сборнике о темной стороне городской жизни!

Содержание

Глобализация и призраки, или Следствие ведут мертвяки	4
I. Живые и мертвые. Этюды в черных тонах	6
Подарок под елочку (Владимир Аренев)	6
1	6
2	10
3	13
4	16
5	19
6	22
7	24
8	26
9	27
Кукольник из предместья (Василий Щепетнев)	34
Бремя хорошего человека (Тим Скоренко)	37
II. Призраки и опера. Этюды в сумрачных тонах	46
В поисках Анастасии (Мария Галина)	46
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Темная сторона города: фантастические повести и рассказы (сборник)

Глобализация и призраки, или Следствие ведут мертвяки

Призраки и криминал неразрывно связаны в произведениях мировой литературы, и традиция эта началась не вчера – достаточно вспомнить, как у Вильяма нашего Шекспира призрак оказал содействие детективу-любителю Гамлету в его расследовании, а Макбет вел беседу с окровавленным привидением.

Иначе и быть не может. Души людей, мирно скончавшихся в своей постели, спокойно отлетают в мир иной. Но когда душа расстается с телом в результате мрачных и кровавых событий – вот тут-то и начинают бродить по коридорам замков женщины в белом, не отражающиеся в зеркалах, и звенят цепями заживо замурованные, проклиная своих погубителей, и грохочет копытами по дороге призрачная лошадь Гессенского кавалериста, разыскивающего свою отрубленную голову...

Авторы повестей и рассказов, представленных в нашем сборнике, не отступают от почтенной традиции. Чем только не занимаются призраки, порожденные их творческой фантазией! Не только и не просто мстят своим убийцам, но и распутывают криминальные загадки, не дают свершиться новым преступлениям... А порой, наоборот, играют за другую команду, – например, похищают бриллианты астрономической стоимости.

Казалось бы, декорации современного мегаполиса мало подходят для явления неприкаянных душ. Какая-нибудь «дама в белом» вполне уместна на руинах старинного замка или в полутемных коридорах старинного особняка, а в залитой ярким электрическим светом квартире улучшенной планировки – не комильфо.

Но так лишь кажется.

За сверкающими фасадами больших городов скрывается их темная, изнаночная сторона – и самые разные сущности, не только призраки, скрываются во мраке закоулков. Достаточно сбиться с пути, сделать лишь один шаг не туда – и вернуться обратно будет ох как не просто... Да и в квартирах улучшенной планировки свет иногда имеет обыкновение ни с того ни с сего гаснуть. И приходит темнота, а в ней оживают и материализуются древние страхи, зародившиеся задолго до появления городов, в те времена, когда круг света от костра очерчивал крохотный островок безопасности в темном и смертельно опасном мире.

Но темнота и опасность всегда манили человека. Пугали, но манили, такой вот парадокс. Шагнуть в неведомую темноту из безопасной пещеры или из безопасной, напичканной технологиями квартиры – разница не так уж велика. Пожалуй, в наш виртуальный век стремление к риску и опасности даже возросло, и рост числа экстремалов всех мастей наглядное тому свидетельство. У пещерных жителей и без того хватало экстрима и адреналина в крови.

Древние, из глубины веков пришедшие сущности никуда не исчезли – они затаились, они ждут. Ждут, когда мы сделаем шаг за грань.

Однако от веяний нового тысячелетия – от Интернета, глобализации, всепроникающих цифровых технологий – никуда не деться, и не только люди, но и их темные попутчики стараются шагать в ногу со временем. Последователи древнего мрачного культа организуют туристический бизнес и пользуются услугами рекламных фирм для его грамотной раскрутки. Поставщики загадочных и опасных артефактов запросто реализуют свой товар через интернет-магазины. А неприкаянные души, застрявшие на границе миров, теперь игнорируют

вращающиеся блюда и раскачивающиеся столики – с миром живых куда проще и надежнее общаться посредством компьютерной переписки. Почему бы и нет? Виртуальный мир – вполне подходящее место для бесплотных сущностей...

И мы приглашаем вас на экскурсию по темной стороне города, по ее закоулкам и тупичкам, – полюбопытствовать, как устроились в новом, постиндустриальном веке их исконные обитатели. Главное, не отходите далеко от гида. Помните: один шаг, сделанный не туда, – и мы снимаем с себя ответственность за судьбу опрометчивого экскурсанта.

Итак, отправляемся. Посмотрите налево...

Виктор Точинов

I. Живые и мертвые. Этюды в черных тонах

Подарок под елочку (Владимир Аренев)

1

Последние лет двадцать пять Артур Тихомиров жил, опережая время. Новый год, к примеру, начинался у него в середине октября. Сперва были мюзиклы, потом – «Голубой огонек», концерты для «Интера», «СТБ» и трех музыкальных каналов. Плюс корпоративы – куда же без них. В этом году хит Тихомирова «Снежинка на ладони» уверенно держался в топе – и надо было ковать, не отходя.

Уже 27 ноября Артур знал, что Новый год он работает в прямом эфире на «Плюсах»: Елена пробила очень выгодные условия. Как раз закроют «хвосты» по даче, еще и втроем с Настенной слетают куда-нибудь на море.

Оставалось суцая безделица: объяснить все это Настене.

– Взрослая девочка, должна понимать, – пожала плечами Елена. – Хочешь, поговорю с ней?

Мигнув поворотником, она плавно свернула к ним во двор. Сыпался крупный, скрипучий снежок – первый в этом году. Фары высветили ряд машин, сугробы на скамейках, в центре двора – грандиозную елку. Пушистые лапы гнулись под тяжестью снежных шапок, отбрасывали химерные тени.

Рядом с елкой нервно жестикулировали какие-то люди. Трое стояли возле замызганного грузовичка, еще семеро – напротив этой троицы. Лица у всех были напряженные, злые.

– Опять, – сказал Тихомиров. – «Двор не гараж», наша песня хороша.

Оказалось – нет, дело совсем в другом.

– Артур Геннадьевич! – почти с радостью воскликнул дедок с первого этажа, этакий вечнозеленый борец за чужие права. – Хоть вы-то вмешайтесь!

– Добрый вечер, – нейтрально кивнул Тихомиров. В последний раз, когда они с бойцом общались, тот был не в пример агрессивней, что-то кудахтал про отравленный воздух и мятую траву на газонах. Хотя Тихомиров всегда парковался аккуратно, на газонах вот – ни разу.

– Эти трое, – негодовал дедок, – утверждают, что они якобы из ЖЭКа. Что якобы есть распоряжение. – Он яростно взмахнул рукой в ядовито-алой перчатке. – А сами даже документы не желают предъявить.

Упомянутые трое переглянулись, старший – который повыше, с неровной щетиной на щеках, – нахмурился. Что-то отрывисто бросил своим, зыркнул на Тихомирова.

– А елке, – поддержала дедка дама в летах, из третьего парадного, – елке-то больше полувека! Ее еще фронтовик один посадил, в пятидесятых...

– О чем вообще речь? – вмешалась Елена.

– У нас, – сказал ей щетинистый, – распоряжение из ЖЭКа. Елку срубить. Дерево старое, ствол изнутри прогнил. Рано или поздно упадет – и хорошо, – добавил он со значением, – если только на чью-нибудь машину. А если на людей?

– Документы у вас есть?

– Нам распоряжение на руки не выдают. Все в отделе, а нам сказали...

– Кто сказал?

– Начальник сказал, – нагло заявил щетинистый.

– Значит так. – Этот ее тон Тихомиров знал очень хорошо. Она на такой переходила, когда обсуждала условия райдера. – Ефрем Степанович, вы участковому уже звонили? Если нет – вызывайте немедленно. И остальных соседей зовите, на всякий, – подчеркнула она, – случай.

– Дура бешеная, – глухо сказал щетинистый. Сплюнул, кивнул своим и полез в кабину грузовичка.

Жильцы во праведном гневе кричали им вдогонку, кто-то даже залихватски свистнул. Тихомиров стоял, стиснув кулаки, и свирепел.

– Мог бы и вмешаться, между прочим, – сказала Елена – потом, когда ехали в лифте.

– Пусть бы рубили. – Он отвернулся, злой, уставший от всего этого. – Пусть бы уже наконец, к чертовой матери. Зря ты вмешалась.

– Настена же ее любит.

– Потому что Алена любила. А когда умерла...

Елена положила руку ему на плечо:

– Тихомиров, я знаю, что это... больно. Если помнишь, мы с ней были подругами. Но... нельзя так.

– Как?

Она промолчала – да уже и приехали.

– С Настеной, – вспомнил Артур, – я сам поговорю. Ну, насчет Нового года.

Елена только кивнула.

Это все, подумал Тихомиров, временное. Тринадцать лет, переходной возраст, отсюда и бури. Настена ведь с Еленой прекрасно ладили – раньше, когда та была его продюсером... *только* продюсером. Надо просто переждать. Тяжелый год, тяжелый для всех.

И хотя после смерти Алены прошло больше трех лет, для дочки, конечно, мало что изменилось. Она еще не умела, как он, насильно, осознанно забывать. Вообще, понимал теперь Тихомиров, это мало кто умеет, да ведь и он выучился не сразу.

Может, думал Артур, такое передается с генами, их каким-нибудь хитрым сочетанием. Есть люди, которые помнят себя целиком, со школы-института и до глубокой старости, осознают себя как единую цельную личность. А он относился к Тихомирову-школьнику, к Тихомирову-студенту, к Тихомирову-подающему-надежды-певцу как к дальним родственникам. Чужим, в общем-то, людям. Что-то о них знаешь, помнишь, но по-настоящему тебе их никогда не понять.

Старые, прерывавшиеся на годы связи, старые песни свои – все это он воспринимал как чужое наследство. Вот досталось от кого-то – и что с этим теперь делать?

То же самое было с воспоминаниями. Если расслабиться, размякнуть, – они могут прорваться сквозь все слои, прожечь насквозь. Но если не давать им воли – превращаются в пустой набор старых, плоских, черно-желтых открыток. В пачку фотографий из забытого альбома.

Кто-то другой счел бы это предательством, но Тихомиров думал иначе. Иммуитет – вот что это было на самом деле, эмоциональный иммунитет. Чтобы не сдохнуть от переизбытка ощущений, от передозировки памятью, которая все равно уже никогда ни на что тебе больше не сгодится.

Поэтому он так не любил елку во дворе: слишком многое с ней было связано. С ней и с Аленой.

А вот дочка елку обожала с детства – и кажется, полюбила еще больше с тех пор, как они с Тихомировым остались одни. А уж после того, как Елена вышла за него замуж...

В общем, Артур был бы рад, если бы те трое из замызанного грузовичка срубили елку к чертовой матери, прогнила она там или нет. Еще бы и приплатил. Зря Елена вмешалась – но что уж теперь, не догонять ведь их, в самом деле.

Антонина Петровна между тем уже разогрела ужин. В прихожей, пока разувались, шепнула:

– Настенька из школы пришла зареванная. Кажется, поссорилась с кем-то.

– Кушала?

– Нет, Елена Дмитриевна, апельсинчик один цапнула – и все. – Домработница пожалала округлыми плечиками, закутанными в пуховый платок. – Я уж решила не настаивать, раз она не в духе.

– Спасибо, – кивнул Тихомиров. – Все вы правильно сделали.

– Я там наготовила на завтра, загляну уже после пяти, приберусь, а потом в понедельник, да?

– Конечно-конечно... Лен, рассчитаешься за ноябрь?

Сам он прошел по коридору и постучал в дверь, на которой вот уже полгода висел плакат с бомжеватым Гэндальфом.

– Можно?

Настена сидела за столом, верхний свет не включала, только лампу. Что-то рисовала. Это у нее с некоторых пор было новое увлечение: шрифты, узорчатые буквы. Она на дни рождения друзьям дарила самодельные открытки с аппликациями и рисунками, получалось очень красиво.

– Привет. – Дочка поднялась из кресла и потянулась к нему, обнять. – Хорошо пелось?

– Лучше всех. А как у тебя в школе дела?

Она нахмурилась и поправила челку.

– Знаешь, я тут подумала... не пойду я к Сушимниковой на день рождения.

– Поссорились?

– Да ну нет. Просто... не хочется. Я ей подарок потом отдам, она поймет. Слушай, па, вот я красивая вообще? Ну, по большому счету?

– Спрашиваешь! Самая раскрасивая! Лучше всех!

– Да ну тебя, – сказала она, улыбаясь. – Я серьезно, а ты... ты вообще предвзятый, вот что. Субъективный. Фу.

Артур поднял руки:

– Виноват, ваша честь. Ну что, ужинать идем?..

Ночью, в постели, Елена спросила:

– Забыл?

– Просто не хотел портить ей настроение. В другой раз. Завтра.

– Ох, Тихомиров... Сам же знаешь: чем позже, тем хуже.

В общем-то она была права. Но, подумал Артур засыпая, в конце-то концов, не всегда «раньше» значит «лучше»...

Утром, конечно, он проспал, потом был звонок от Горехина, решали насчет январских гастролей, потом оказалось, что Настена ушла в школу, – а ему с Еленой надо было уже в аэропорт. Со съемок звонил, но не по телефону ведь о таком.

Вернулись через пару дней – измотанные, выжатые. Антонина Петровна с порога сообщила: буря вроде бы улеглась. Вплоть до того, что Настена все-таки собирается на день рождения к Сушимниковой.

– Вот и славно. – Он перехватил ожидающий взгляд Елены, кивнул, мол, сейчас поговорю, но снова зазвонил телефон, Горехин хотел договориться насчет журналистов, интервью там или что, толком не мог объяснить, тараторил, глотал слова, – в общем, как обычно. Тихомиров зажал трубку плечом, сдергивал сапоги, кивал, пытался встрять, вставить фразу-другую... Краем глаза заметил, как в коридор выглянула Настена, – увидела, что он занят, махнула приветственно рукой и снова спряталась за этим своим Гэндальфом.

– Да, Горехин, хорошо, послезавтра, все послезавтра. Ну «как съемки»? – обычно. Сказки у них закончились, так они перешли на мифологию. Ага, ветхозаветные сюжеты... Если бы!.. Ну какой из меня Самсон, Горехин? Лот, ага. Баловнева в женах, очень натурально, знаешь, превращается в соляную бабу – такую, знаешь, запасов на год всей стране хватит, лизать бы и лизать.

Елена пнула его, мол, за языком-то следи. В ответ он показал ей язык – вот, мол, сама и следи. Настроение как-то само собой улучшилось. Завтра намечался выходной, и вообще.

– Короче, Горехин, на связи, давай.

«Поговори с ней», – беззвучно, одними губами, приказала Елена – и закрылась в ванной.

Тихомиров со вздохом поднялся и пошел к Гэндальфу на поклон.

Настена сидела, забравшись с ногами в кресло, ноут пододвинула к себе так, чтобы было удобней работать, и с кем-то чатила. На заднем фоне темнело окошко браузера со знакомой заставкой. Официальный сайт Артура Тихомирова, подраздел «Гастроли и выступления».

Он сперва глянул мимоходом, а потом вчитался и остолбенел – куда там безымянной Лотовой жене.

«В Новогоднюю ночь Артур Тихомиров – в прямом эфире на «Плюсах»! Не пропустите!»

Ну, сообразил, конечно: пресс-служба слила инфу или Горехин позаботился. Надо было попросить, чтобы придержали, но в голову тогда не пришло, а потом – чем только она не была забита, голова...

Настена откладала «пока. еще напишу позже», свернула окошко и оглянулась на него со странным выражением на лице.

– Извини, – сказал Тихомиров. – Надо было раньше тебе сказать насчет Нового года, но ты тогда расстроилась из-за школы, и я не хотел...

Она кивнула, очень по-взрослому. В который раз он напомнил себе: ей только тринадцать. Как бы ни вела себя, что бы ни говорила – только тринадцать, и у нее три года назад умерла мать.

– Тогда, – сказала Настена, – ты меня отпустишь праздновать к Маринке?

Он пожал плечами:

– Ну... отчего бы и нет? Если вы, конечно, опять не повздорите.

Настена сделала вид, что ей срочно нужно проверить почту.

– Да, – бросила она через плечо, – пап, мне Ефрем Степаныч говорил, что ты в курсе насчет елки. И что снова приезжали эти... ну, которые типа из ЖЭКа.

Только сейчас Артур догадался, кто такой Ефрем Степаныч.

– Не то чтобы в курсе...

– Па, ты же не дашь им спилить нашу елку?! – И теперь уже обернулась, теперь уже смотрела на него во все глаза.

– Ну что ты от меня хочешь, малыш? Чтобы я дежурил там круглые сутки? Так твой Ефрем Степаныч и сам неплохо справляется...

– Па! Он же все-таки старенький.

Артур поморщился. Ну да, старенький он, – прошлым летом орал на весь двор, хуже сирены.

– Давай завтра об этом поговорим. Мы только с дороги, умоемся, отдохнем, подумаем...

– Я уже все придумала, па. Они же там считают, елка бесхозная. А мы им скажем, что наша.

– Как это наша?! То есть, – добавил он, лихорадочно исправляясь, – наша, конечно, наша, но как ты им это докажешь? Не табличку же вешать.

– Вот! – Она прыгнула с кресла и чмокнула его в щеку. – Точно! Вешать, па. Повесим на ней наши игрушки, как раньше вешали. Помнишь?

Конечно, он помнил. Каждый декабрь, пятнадцатого. Доставали коробки, все втроем несли их во двор. Это Алена придумала, сказала, они в детстве так же наряжали елку в селе. Некоторые игрушки были еще с тех времен: самодельные, похожие на упитанных удавчиков хлопушки, мятые бумажные шары, снежинки... Каждый год арсенал приходилось подновлять: одни размокали под снегом, другие терялись, третьи расклеивали любопытные вороны и грачи...

На Новый год они никогда не покупали елку в дом, только ставили в вазы пару-тройку веток. А отмечать выходили во двор или, в те годы, когда Настена подхватывала к праздникам грипп, садились у окна, чтобы было видно «их елку». Гасили свет, звенели бокалами, шутили вполголоса...

– Па?

Он пожал плечами.

– Пойду, – сказал преувеличенно бодрым голосом, – попытаюсь завербовать Лену.

Настена помрачнела, но возражать не стала.

2

Добрую половину того, что было в коробках, пришлось выбросить. Артур съездил в «Ашан» и вернулся с новыми игрушками и стремянкой. Выходной оказался как нельзя кстати: после обеда развешивали игрушки и гирлянды. Постепенно стали подтягиваться со своими украшениями соседи: тетка из третьего подъезда притащила ворох спутанного, еще как бы не брежневских времен, «дождика»; гоблин Ерфем Степаныч – надколотую верхушку в виде курантов, юная парочка со второго этажа – плюшевых зайцев...

К вечеру управились. Елка теперь выглядела так, будто прямо над нею взорвались сани Санта-Клауса. Совершенно ничего общего с теми, прежними их елками.

А главное, Тихомиров знал наверняка: грузовичная тройца не имеет к ЖЭКу никакого отношения и вряд ли спасует перед этими дешевыми трюками. Какой-нибудь средней руки депутатик захотел елку себе на дачу – а секретарская шушера подсутилась, нашла исполнителей, пообещала как следует заплатить. Поэтому рано или поздно дождутся, спилят и увезут.

В общем, Артур не удивился, когда через пару дней обнаружил, что часть украшений пропала. Не стало обоих зайцев, игрушечного автомобильчика, трех сочно-оранжевых шаров и самой красивой хлопушки. Могло быть и хуже.

Тихомиров пожал плечами и пошел домой. День был тяжелый, он вернулся с очередной студийной записи, усталый и голодный; уже в дверях его настиг звонок от Горехина, какие-то проблемы с дублями или с озвучкой, Горехин сам точно не знал, но пытался договориться, хотя бы на следующую неделю, да, повторить, да, иначе никак, это в твоих же, Тихомиров, интересах, ну в самом деле...

Он односложно отвечал, между делом удивляясь, что в доме нет Антонины Петровны, потом сообразил: она ведь сегодня днем забегала, прибраться и приготовить ужин, – и, все так же прижимая трубку к уху, на ходу расстегивая кофту, постучался, заглянул к Настене, позвать на кухню, «питаться!» – и обнаружил вдруг, что дочка сидит за компом, правой отстукивает что-то в чат, левой вытирает слезы.

– Совсем не в роль... – бубнил в ухе Горехин. – Они когда просмотрели... рвут и мечут...

– Понял, понял. Потом, все, будь. – Тихомиров нажал на отбой и кивнул дочке: – Как ты?

– Все в порядке, – тихо сказала Настена. – Пап...

– Ты из-за елки расстроилась?

– Елки? – она сморгнула. – А что?..

Вот дурак, подумал Тихомиров, балда чугунная.

– Да ерунда, – отмахнулся он. – Там пара игрушек пропала, всего-то. Оно даже к лучшему, а то мы в субботу перестарались, если честно, с украшательством этим...

– Это они, – сказала Настена ровным, усталым голосом. – Точно. Сначала снимут все украшения, а потом... потом...

Ее вдруг затрясло всю, она отвернулась, кусая губы, потом бросилась через всю комнату и ткнулась Артуру в бок. Заревела приглушенно, как будто пыталась загнать обратно все эти всхлипывания, всю эту боль.

Тихомиров стоял столбом, затем обнял ее и стал гладить по голове, мягко-мягко.

– Ну что ты, – говорил, – ну, тихо, все, все, еще же ничего не ясно, мы не дадим ее в обиду, конечно, не дадим, что ты, ну... – И так, кажется, по кругу, он и сам себя толком не слушал.

И даже не понял, что же такое вдруг подступило к груди, холодное и пульсирующее, звенящее. Хотелось взять пилу, или топор, или даже простой кухонный нож – и срубить на хрен эту елку. Под корень, чтобы даже следа не осталось.

Хотя – понял он мгновение спустя – пустота на том месте, где она сейчас стоит, будет этим самым следом. И значит... значит...

– Сейчас, – сказал он чужим голосом, – сейчас мы все решим. Ну-ка, позволь.

Он высвободил руку, достал мобильный и набрал номер.

– Геннадьич! – миготом отозвался Горехин. – Слушай, дорогой...

– Не болбочи, – оборвал его Тихомиров. – Лучше ты меня послушай. Нужна помощь, я знаю, ты же у нас полномочный представитель Греции, сам говорил: все, что угодно доставишь.

– Ну, – осторожно сказал Горехин.

– У меня тут во дворе елка, видел, может.

Горехин издал некий горловой звук, среднее между кваканьем и криканьем. Артур сообразил наконец, что да, конечно, видел: он же к ним в гости часто заходил – то есть к ним с Аленой. Пару раз помогал развешивать украшения.

– В общем, тут кто-то повадился снимать игрушки. И подозреваю, только этим дело не кончится. Нужен... я не знаю... капкан, что ли... но безобидный, чтобы без увечий, понимаешь? Чтобы все законно.

Горехин снова крикнул.

– Подумай, – попросил Артур. – Очень надо – и срочно.

– Ты уверен?

Тихомиров промолчал, но так, что Димыч сам все сообразил:

– О'кей, понял-понял, извини. Хорошо. Но... Хорошо. Ладно. Как раз недавно я Петьке Извольскому такой же доставал, у него на даче, знаешь, есть там одна...

– Сколько и когда?

– Я тебе кину линк на почту. Это сетевой магазин, заполнишь форму – адрес там, имя-отчество, когда удобно, чтобы привезли, – товар доставят прямо под двери.

– Точно без увечий?

– Да ну блин, Геннадьич! А, я ж не сказал. Это не капкан, упаси бог. Это такой типа как подарок – ну, коробочка в блестящей упаковке, с бантом таким.

– Для воров? Подарок?! Горехин!..

– Дослушай, что ты сразу!.. Новейшая разработка, говорят, цэрэушная вообще. Видел такие хрени, которые воткнешь в розетку – и они комаров отпугивают? Вот что-то вроде. Излучает волны в каком-то хитром диапазоне, отпугивает тех, кто приближается с дурными мыслями. Типа мозг тогда испускает волны особой длины, хрень эта их фиксирует – и выдает ответку.

– И что?

– Злоумышленник драпает, нажавши в штаны. Не буквально, конечно, не бойся.

– Горехин... а есть что-нибудь менее эзотерическое? Без лапши на уши, фольги на голову?

Тот хмыкнул:

– Пугало поставь, снеговика. И морду ему пострашней намалюй. Геннадьич, – добавил он обиженно, – мы с тобой сколько лет знакомы? Было такое, чтобы я туфту порекомендовал?

– Тебе по годам перечислить?

– Нет, ну тот случай с солнечными лампочками не считается, там я сам маху дал. А здесь все проверено, Извольский вон вчера звонил, сердечно благодарил и, между прочим, обещал проставиться. Как бы не намекаю.

– Как бы верю. Давай свой линк.

– Слушай, а насчет съемок вот...

– Потерпит завтра до утра? Сейчас не до них. Без обид, хорошо?

Настена уже не плакала, просто смотрела на него странным взглядом.

– Завтра все решим, – пообещал ей Артур. – Веришь мне?

Товар доставили к девяти, как Тихомиров и попросил в примечаниях к заказу. Сайт вообще оказался странноватым, предельно простым. Хотя, подумал Артур, может, так сейчас модно.

– Это тебе! – крикнула Елена. Она успела к двери раньше, пока он выкарабкивался из тренажера, уже открыла и заполняла платежку. – Слушай, что это вообще? – Она понизила голос: – Настене, что ли? Под елочку?

– Почти. – Он поставил увесистый, размером с обувную коробку, пакет под вешалкой и расписался на платежке. – Паспорт показывать?

Молодой курьер неловко дернул плечами и улыбнулся:

– Да ну что вы... Нам паспорт и не нужен, в общем-то. Если можно, – добавил, кашлянув, – поставьте автограф, я сейчас листок дам, вот, сюда.

Ишь, подумал Тихомиров.

– Кому?

– Оксане. Сеструхе моей, младшей, – зачем-то пояснил курьер.

Тихомиров резко расписался, сунул ему листок и потянулся за пакетом.

– Если вы не против, я проверю содержимое.

– Там инструкция, – сказал парень. – Посмотрите внимательно, пожалуйста, и тоже распишитесь, одну страничку я заберу. Ну, что ознакомлены с правилами пользования и все такое. Главное: нельзя срывать печати.

– Какие печати?

– Да вот, с корпуса... в смысле, с коробки. Пломбы такие, снизу идут, семь штук. Видите?

Они вдвоем развернули пакет. Елена к этому времени сбежала на кухню, снять с плиты свистевший чайник. Настена еще спала.

– Ого, – сказал Тихомиров.

Коробка была совсем небольшой. В пакете она лежала на боку, и примерно половину пространства занимал роскошный фиолетовый бант. На свету он переливался и отблескивал,

словно сделан был из кожи экзотической змеи, аспиды какого-нибудь или гюрзы. В змеях Тихомиров не очень разбирался.

Сам же «корпус» представлял собой куб, обернутый подарочной бумагой. Бумага была испещрена миниатюрными оленями, санями и прочей дедморозовщиной. Выглядело все это солидно, богато. Класть такое во двор под елку... Тихомиров не знал, что и думать.

Он перевернул куб бантом книзу и обнаружил на дне россыпь круглых черных бляшек.

– Те самые пломбы?

– Да. Их нельзя ни в коем случае срывать. Иначе фирма не дает гарантии, что прибор будет работать верно.

– А в противном случае – дает?

Курьер даже обиделся:

– Вот же, указано: тринадцать месяцев с момента первой эксплуатации.

– Здорово, – сказал Артур. – Ага. И что, жалобы не поступали, ни разу?

– Я не слышал, – честно признался паренек, – может, и были.

Елена выглянула из кухни, пальцем ткнула в часы. Беззвучно произнесла: «Запись, балда!»

Только сейчас Тихомиров сообразил: она же вчера, когда вернулась, предупреждала, что съемка начнется на полчаса раньше, и значит, они уже опаздывают!

Но все равно перед тем, как сесть в машину, он присел у елки и засунул под ветви, поближе к стволу, этот самый подарочек. Расправил бант, подумал, что ни разу еще не совершал более дурацкого поступка.

И поехал на эту их викторину, мрачный и злой, как черт.

3

– Старик, – надрывался в трубке Димыч, – я тебя целый день!..

– Да, – кивнул Тихомиров. – Извини, Горехин, у них в студии лампы полетели на хрен, три штуки, с промежутком в полчаса. Пока поменяли, пока запустили... – и опять. В общем, можешь себе представить. Так чего там?

Он стоял на кухне, ждал, пока закипит чайник. За окном была ночь, густая, выюжная. Фонари во дворе горели истощенным, больничным каким-то светом. Елка нахохлилась и сутулилась под тяжестью снежных погон.

Во двор, прямо в пятно желтушного света, вдруг вбежала дворняга. Тихомиров видел ее пару раз – и здесь, под окнами, и на соседних улицах. Белая, кудлатая, болонкистая. Она как будто чуяла, что внешность ее срабатывает безотказно, вызывает у мамаш и старушек неизменное «ух ты моя сладкая! иди сюда, я тебя покормлю, иди...» – знала и пользовалась. Никогда не лаяла, просто подходила и заглядывала в глаза. В наиболее тяжелых случаях протяжно, по-человечьи вздыхала; Артур, если бы сам не слышал, в жизни бы не поверил.

Сейчас эта полуболонка пыталась найти неплотно прикрытое парадное и спрятаться от снега. Ткнулась в пару дальних, потом побежала через двор к елке... и тут же, словно током ее шарахнуло, отпрыгнула назад с яростным лаем. Лай скоро перешел в утробное свирепое рычание. Собака пятилась, вздыбив шерсть, не спуская глаз с елки.

Точнее, с нижних ее ветвей.

– ...спел ты превосходно, – долдонил Горехин. – Но, Геннадьич, ты же все дубли запарол. Все, понимаешь!

Дворняжка рычала, скалила клыки – потом сорвалась с места и, поджав хвост, пулей бросилась вон со двора.

И что, спросил себя Тихомиров, какие такие «дурные мысли» крутились в ее блохастой голове? Найти где-нибудь не слишком промерзшие отбросы? Теплый угол? В идеале – хозяев?

Да ну, бред: вот же, все просто и ясно: под ветками наверняка сидит какая-нибудь псина покрупней. Или лиса прибилась, в последнее время, говорят, в городах до чертиков лис, и сов, и прочей лесной живности.

И тут он понял, что уже стоит в дверях и натягивает сапоги.

– Что там у тебя вообще?.. – бубнил Горехин. – Ты меня слушаешь?!

– Конечно. «Дубли запороты». Объясни мне только: как запороты? С чего вдруг?

– Ты вообще кого играл, Геннадьич? А?! Ты Лота играл, правильно?

– Ну.

– Песню спел на ура. Девочки тоже молодцы, эти, «Кнопки» или как их... новенькие совсем, да? Вы вдвоем – бомба, Геннадьич.

– Не тяни, Горехин. Баловнева слажала?

– Баловнева – ты прав был – идеальная жена. В смысле, как столп, конечно. Замерла – на ять. А ты, ты, Лот твою так, кой хрен обернулся?!

– В смысле?

– Ну Лот по легенде должен был уйти с семьей и не оборачиваться, пока ангелы его родной Содом утилизировали. Жена обернулась – дура – и превратилась в кусок соли. А он – *ты!* – не обернулся!

– Ну.

– А ты – обернулся!

– Горехин!..

– На всех дублях Артур Тихомиров исполняет последний куплет, картинно стоя, мать его так, лицом к декорациям Содома. На всех! Я не знаю, куда смотрел оператор и о чем думал, мать его, режиссер, но ты же профи, Геннадьич! Как можно было?! Я сегодня с Еленой говорил, поймал после этих ваших съемок, – она руками разводит. Я не понимаю вас, ребята. Все, надо переснимать. Но ты главное объясни мне: зачем?!

– Правда роли, Горехин, – хмуро сказал Артур. Он уже вышел во двор – и только тут сообразил, что куртку надо было накинуть. И еще сообразил, что под елкой должна быть действительно крупная псина – или что уж там сидит вместо нее. А он даже перочинный нож не додумался прихватить.

– Какая, на хрен, правда роли?!

– Простая, Горехин.

Он медленно пошел к елке. Очень медленно, стараясь, чтобы снег под ногами не скрипел.

Шагах в пяти присел на корточки.

Горехин в трубке неистовствовал.

– Ну неужели, – сказал ему Тихомиров, – ты бы на месте Лота не обернулся? Неужели, Димыч, тебе было бы неинтересно посмотреть на то, как хреновы ангелы разносят по кирпичику город, в котором ты жил, – со всеми твоими соседями, друзьями, с зятьями твоими – всех, все, в пыль? Это было любопытство, Димыч. Простое любопытство. Великая сила.

Он повернул мобильный так, чтобы подсветить себе экраном. Под ветками, у самого ствола, что-то темнело. Угловатое, подозрительное.

Он не сразу и сообразил, что это же – коробка с бантом, подарок под елочку, аппарат.

Горехин там у себя бился в истерику.

– Ладно, – сказал ему Тихомиров, – извини. Был неправ. Приеду и переснимем, если они еще не передумали. Завтра же.

Потом они попрощались, он нажал отбой и потянулся за коробкой. Повертел ее, оглядел со всех сторон. Ничего не изменилось, даже бумага не подмокла.

Артур осторожно потряс ее – коробка была как будто полная, но изнутри – ни звука: не шевельнулось, не стукнуло.

Он перевернул ее бантом вниз и задумчиво провел онемевшей подушечкой указательного по пломбам.

Потом надорвал одну – решительно, прежде, чем успел передумать.

Попытался поддеть ногтем край обертки, приподнять хоть на пару миллиметров – ничего не вышло. Бумага прилегала плотно, даже не понять, к чему именно, что там под ней – картонный ли, металлический ли корпус, а может, – почему-то вдруг подумалось Тихомирову – кожа, натянутая на каркас?..

Он снова пожалел, что не прихватил с собой нож: удобней было бы, чем пальцами, но, в конце-то концов, какая...

– Папа?

– Здравсьте, Артур Геннадиевич.

Он обернулся. Настена вместе с этой своей... господи, как же ее?.. Тушенкиной, что ли? – стояла у него за спиной.

– Привет! – сказал Тихомиров. – А вы откуда и куда?

– Ну па, мы же в кино ходили, ты сам разрешил, еще вчера.

– А. Ну да, извини, совсем из головы вылетело. Кино-то как? Хорошее?

Они переглянулись и, кажется, беззвучно хихикнули.

– А это у вас что, Артур Геннадиевич? – спросила... Марина? Марьяна?

– Это, – сказал Тихомиров, – такая специальная штукавина, типа удобрений, чтобы елка лучше росла. Чего только не придумают: нарочно сделали в виде подарка, мол, так эстетичнее. Ну, идем к нам пить чай?

Он сунул коробку обратно под ветки и решительно увлек девочек за собой. На ходу о чем-то говорил, а сам пытался сообразить, как воткнуть в график еще один день съемок. Послезавтра же они с Еленой должны быть в каком-то Задрыщанске, городской совет после выборов раскошелится на новогодний концерт, на центральной площади, с семи до девяти поет сам Тихомиров. Отказываться, говорила Елена, нельзя, ты, говорила, на два года, считай, выпал из обоймы, ну что ты кривишься, да, выступал, да, пел, но ни одного хита, Артур, мы тебя сейчас возвращаем в топ, надо пахать, Артур, нам всем надо пахать, если хотим добиться успеха, это второй шанс, третьего никто не даст, ты же сам понимаешь...

Тихомиров действительно понимал и действительно хотел вернуться. Потому что, если уж совсем честно, это было главным: идти на сцену, петь, получать свою «дозу» во время выступления – от внимания, от взглядов, от аплодисментов. Это вставляло покрепче травки и любой другой наркоты. Но вот если ты выпадал из обоймы...

Темп они, конечно, в этом году взяли бешеный, но Артур держался – втянулся быстро, как будто и не было двухлетней паузы. А что под Новый год стало напряжней – всегда так бывает, на то он и Новый год. Главное сейчас – отработать эти несколько недель...

– Па!

– Что, солнце?

– Чаю заварить? Маришка к нам ненадолго – ей скоро домой.

Он кивнул, включил огонь под чуть остывшим чайником. Встал возле окна, ожидая, пока тот закипит.

Внизу, вдоль дорожки, прыгала по снегу ворона. Обычная серая ворона, каких в городе полным-полно. Тихомиров удивился: и чего ей не спится на ночь глядя? Наверное, подумал, заметила блестящую обертку на коробке – известно же, что вороны ведутся на всякое такое, необычное. Тоже, по-своему, любопытство.

Теперь, оказавшись рядом с елкой, она уже не прыгала, а как будто подкрадывалась размашистыми, бесшумными шажками. Надолго замирала, склоняла голову. Потом делала еще один шаг...

Засвистел чайник, Артур обернулся, чтобы налить кипятку в заварник, а когда снова посмотрел в окно, вороны уже не было. Видимо, поняла, что здесь нечего ловить, и улетела.

– Чай прибыл! – он постучал в дверь и вошел. Девочки что-то читали в Сети, какую-то Настенину переписку. Перед тем как принять у него чашки, дочка как бы между делом свернула окна.

Выходя из комнаты, Тихомиров подумал, что это должно его задеть, и даже удивился слегка, что не задело. Голова, в общем-то, была забита другим: этой ерундой со съемками, послезавтрашними гастролями в Задрыщанске... и вороной.

Он все-таки выглянул в окно еще раз – убедиться, что ему показалось. Нет, что-то темнело рядом с елкой, что-то мелкое, похожее на пару-тройку перьев.

Артур пожал плечами и набрал Елену – посоветоваться насчет форс-мажора. Пока говорил, не отрывал взгляда от окна, но там все было тихо-мирно, только носились в воздухе крупные, уродливые снежинки.

4

Следовало отдать Горехину должное: игрушки исчезать перестали. Вместо них, однако, случилась другая пропажа.

Тихомировы как раз вернулись с гастролей – и паркуясь, обнаружили вдруг во дворе странное оживление. Правда, рядом с елкой стоял не замызганный грузовичок, а милицейский «бобик», возле которого скучал, посасывая цыгарку, сельского вида дядька в форме. Двое его коллег неспешно выгружались, вполголоса о чем-то переговариваясь.

Было часов семь вечера – уже стемнело, и снова падал пушистый, мокрый снег.

– Вы из этого парадного? – спросил один из ментов – тот, который повыше и попредставительней.

– Да, а что?

– Клокачева знаете?

– Кого, простите? – не понял Тихомиров.

– Знаем, – сказала Елена, – это наш сосед с первого этажа. Ефрем Степанович, да?

Представительный кивнул и добыл из кармана удостоверение.

– Если вы не против, я просил бы вас быть понятыми. Много времени это не займет.

Тихомиров растерянно кивнул и только потом сообразил, что можно ведь было и отказаться.

Менты прихватили с собой странного вида саквояж – затертый, обгорелый с одного бока – и зашагали к парадному. На ходу Артур со значением посмотрел на Елену, но та лишь пожала плечами. В этом была она вся: никогда не пройдет мимо, никогда не промолчит. Тоже любопытство в своем роде.

У гоблинской двери уже ждали участковый, нервная худосочная дама и слесарь.

– Начинайте, – велел слесарю представительный. А Тихомировым сказал: – Сейчас посмотрите, может, что-нибудь странное заметите... Вы у него часто бывали в гостях?

– Ни разу, – хмуро ответил Артур. – Только «здрасьте – до свидания», и все. Семьями не дружили.

Представительный посмотрел на него оценивающе, кивнул.

– Ну, – сказал, – это понятно. И все-таки посмотрите, мало ли.

– А что произошло-то? – не выдержала Елена. – Почему вы ломаете дверь?

– Соседи жаловались, третьи сутки подряд телевизор не выключает, даже ночью. А это вот родственница Клокачева, утверждает, что он знал о ее приезде и не мог никуда отлучиться.

– Прошу, – лениво сказал слесарь.

Замок он выворотил в три скупых движения, не особо чинясь.

Тихомиров боялся, что в квартире будет не продохнуть: если два дня уже... да батареи жарят... понятно ведь, чего ждать. Но внутри оказалось на удивление чисто, и пахло лекарствами, конечно, и старыми газетами, но ничего такого. Ничего и никого.

– Пусто, – подытожил представительный. – Как будто вышел мусор вынести. Мажук, свяжись, какие у нас здесь ближайшие больницы? Фотку вон возьми, для опознания. И выключи уже на хрен этот телевизор, голова раскалывается.

Дальше все было просто: минут пятнадцать пришлось подождать, пока составят и дадут на подпись протокол, за это время Елена дважды звонила Антонине Петровне, чтобы та не волновалась и успокоила вернувшуюся из школы Настену. Впрочем, если верить невнятным сводкам с полей, Антонина Петровна подозревала, что переживает Настена не из-за пропавшего отца. Опять какие-то бури в школе.

Дважды звонили из журнала, договаривались, потом передоговаривались насчет встречи и фотосессии. Тихомиров сатанел, но терпел.

Наконец документы были готовы, «вот здесь и здесь, пожалуйста», и – с чистой совестью на волю. Родственница, правда, отпускать ментов не спешила: дрожащим голосом требовала, чтобы «завели дело». Те устало, уныло объясняли, что – ну нет же пока оснований, ну мало ли, да и толку никакого все равно...

В коридоре тем временем коллеги представительного лениво осматривали шкафчики, антресоли, рылись в тумбочке под телефоном. Один аккуратно выложил на расстеленную газетку трофеи: щетки, скрюченные тубики из-под крема, потом в отдельной коробке – три сочно-оранжевых елочных шара, пару плюшевых зайцев, игрушечный автомобильчик...

Артур вздрогнул и отвел глаза. Ждал, что вот-вот кто-нибудь скажет с ухмылочкой: «Постойте-ка, товарищ Тихомиров. Ничего не хотите нам сообщить, Артур Геннадьевич?»

Но никто ничего не заметил. Даже Елена.

Слесаря на лестничной клетке уже не было. Перед дверьми крутилась вислощекая тетка со второго этажа – Эмма Эдуардовна, что ли. Всегда с Тихомировым раскланивалась так, будто самым своим существованием он оскорблял ее в лучших чувствах.

– Добрый вечер, – кивнула ей Елена.

– Добрый?.. – полувопросительно произнесла Эмма Эдуардовна. Выдержала паузу, поняла, что никто разговор не поддержит, и зашагала по лестнице вверх. Уже поднявшись на пролет, как бы между делом бросила стоявшим у лифта Тихомировым: – Не ждите, сломан.

Артур помог Елене донести вещи до их четвертого, потом похлопал себя по карманам.

– Слушай, – сказал смущенно, – кажется, зарядку оставил в машине. Смотаюсь, пока одет.

Сбегая вниз по ступеням, он пытался сообразить, зачем, вообще-то, спускается. Что именно надеется увидеть.

На первом этаже возле дверей Ефрема Степановича было пусто и тихо. Артур вышел на улицу – нет, свет в окнах у старика горел, и двигались за шторами угловатые тени. Да и милицейский «бобик» стоял на прежнем месте, возле елки.

Тихомиров пошел к своей машине по большой дуге, огибая елку против часовой стрелки, чтобы...

Чтобы осмотреться.

Перья заметил почти сразу – точнее, это он сперва решил, что перья, вот остались от той самой вороны, но потом понял: да ну откуда, три дня ведь прошло!.. К тому же такая яркая окраска – это разве что у тропических птиц, а в наших-то широтах...

В общем, никакие это были не перья, конечно.

Артур оглянулся на окна и присел.

Перчатка распласталась на снегу – ядовито-алая, скомканная. Он зачем-то сдернул свою и пальцами прикоснулся к ткани. На нитки намерз лед; впрочем, если перчатка здесь лежит три дня, странно, что вообще не занесло снегом.

Надо было позвать следователя. Визитку он Тихомирову вручил: «Если вдруг вспомните что-нибудь...» Елена бы точно позвала.

Он глянул под ветки. Нет, подарок не пропал – стоял все там же. Чуть изменился – видимо, влага и мороз сделали свое дело, – вот только Тихомиров не мог наверняка сказать, что именно с коробкой не так.

А потом он почувствовал чей-то взгляд – не справа, со стороны соседских окон, а слева, оттуда, где был вход во двор. Овернулся как бы небрежно, как бы с ленцой, вставая.

В подворотне стояли двое мужиков. В тени, лиц толком не разглядеть.

Они заметили, что Артур смотрит на них, переглянулись и двинулись к нему. Тихомиров не сразу узнал высокого: щетину тот не сбрил, но подровнял, а на нос нацепил зачем-то темные очки. Хотя... ясно ведь, зачем.

Шагали эти двое не торопясь, и у Артура было время, чтобы уйти. Или позвать кого-нибудь на помощь. Или...

Или, подумал он, наклониться и спрятать от них перчатку.

– Добрый вечер, – сказал щетинистый, чуть растягивая слова. – Поговорить надо.

– О чем? – Тихомиров понял, что не боится их, вот совершенно. И вообще никаких чувств не испытывает.

– Знаешь, о чем, – все так же спокойно сообщил щетинистый. – В ЖЭКе, – добавил со значением, – недовольны. Надо что-то решать.

– А ты, – в тон ему отозвался Тихомиров, – у главного-то завизировал? Для начала.

– У кого? – не понял щетинистый.

Его напарник, низенький, ушастый, с широким плоским носом и скошенным подбородком, хмыкнул:

– Разводит он тебя, Саныч. Ты посмотри на него, суку, он же...

Тут он осекся, поглядел куда-то вбок, за Тихомирова, хлопнул щетинистого Саныча по руке и молча зашагал обратно к подворотне. Так, будто разговора и вовсе не было. Саныч сплюнул под ноги Тихомирову, угрожающе дернул головой и поспешил вслед за ушастым.

Позади громко переговаривались голоса, скрипел под ногами снег.

Артур, не оборачиваясь, зашагал к своей машине. Пока он копался в бардачке, следственная бригада уже загрузилась в «бобик» и медленно двинулась к выезду со двора. Тихомиров, проходя, кивнул им – те, кажется, даже внимания не обратили, о чем-то спорили, сельского вида дядька взмахивал рукой, горячился...

Артур поднялся уже до третьего, когда сообразил, что перчатка так и осталась там, в сугробе. Но возвращаться не стал. Может, подумал, эти двое вообще не за ней приходили, может, и к пропаже старика они отношения не имеют. Нелепо же: из-за какой-то елки... да нет, никто бы не стал, верно? Так ведь не бывает, только в кино.

Ужинали молча. Настена не поднимала взгляда от тарелки, Елена слушала новости, Тихомиров то и дело посматривал на мобильный.

Хотя, говорил он себе, откуда у этих двоих мой номер?

«...Китайские ученые, – бубнила ведущая, – добились значительных успехов в создании псевдоживых тканей. На очереди – работа по конструированию механизма, который бы

состоял из них более чем наполовину. Проблема, однако, заключается в том, как обеспечить подобному механизму автономность. Иными словами...»

– Па, – позвала Настена.

– М-м?

– А можно я завтра в школу... не пойду. Я вроде как простыла. Совсем чуть-чуть, ничего страшного, просто...

Елена выключила телевизор.

– Ну-ка, – попросила, – дай лоб.

Коснулась губами, нахмурилась.

– Совсем чуть-чуть, – повторила Настена.

– Пусть отлежится, – сказал Артур. – День туда, день сюда. А сейчас, говорят, какой-то скверный штамм ходит.

– Призраком, – кивнула Елена. – По Европе. Пойдем, Настя, пообщаемся без работников эстрады.

– Эй, нет ли здесь попытки ущемить меня в моих родительских правах и обязанностях?!

– Ешь, – она встала и похлопала его по плечу. – Остынет же все.

Тихомиров бездумно затолкал в себя остатки ужина, встал с чашкой чая у окна. Опять пошел снег, а это значило, что завтра надо подрываться хотя бы на полчаса раньше: дороги будут ни к черту.

И значит, уже ложиться бы.

Он лениво поразмыслил о том, что все-таки следует пойти вниз и поднять ту перчатку. Хотя бы для того, чтобы убедиться, все ли «пальцы» у нее на месте. Не показалось ли.

Ну а даже, сказал он себе, если одного не хватает? Какие неожиданные выводы ты из этого сделаешь? Да просто зажал старик где-нибудь, оторвал случайно.

– Что там, – спросил он, когда укладывались, – серьезное что-то? Температуру меряли?

– Все в порядке, – сказала Елена после паузы. – Пусть завтра посидит дома. Для профилактики.

Уже почти засыпая, он кивнул и накрылся одеялом. Подумал еще, что надо бы отключить звонок... на всякий случай... а то позвонят эти сволочи, «из ЖЭКа», Елена возьмет трубку... потом объяснять... а как тут объяснишь, если и сам не до конца...

Ночью ему приснилась Алена. Но почему-то все время держалась сбоку, и он не мог толком разглядеть лица, он говорил ей о Настене и, кажется, рассказывал про елку, но Алена молчала, и в конце концов Тихомиров понял, что она обиделась, наверное, из-за того, что завтра годовщина, а он едва не забыл, и еще из-за того, что не приедет провести; ну а как, говорил он ей, это ж на другом конце города, с нынешним графиком не вырвусь, да и потом... Тут он запнулся, потому что – не скажешь ведь «...ты мертвая, тебе все равно», – запнулся и проснулся. Сердце колотилось как бешеное. Он перевернулся на другой бок и лежал так минут пять, ни о чем не думая. Сам не заметил, когда заснул.

5

Под окнами Ефрема Степановича топтался бледный типчик в спортивной шапке времен перестройки, что ли. Лицо гладко выбрито, над верхней губой усики жиденькие, блеклые. И такой же блеклый взгляд.

– Доброе утречко, – кинулся к Артуру. – А вы, случайно, не знаете, вот старик тут, из второй... такой, свирепый. Он, случайно, никуда не уехал?

– А вам-то что? – спросил вдруг Тихомиров. Хотел пройти мимо, но стало любопытно.

– Да я... мы с ним на «птичке»... ну, на рынке, в смысле... договаривались встретиться, еще вчера. Игрушки старые продает, говорит, мол, ему уже вряд ли пригодятся.

– И много продал?

– Да... – типчик махнул рукой, мол, какое там! Потом моргнул и внимательней уставился на Тихомирова. – Так что с ним?

– Уехал, – сказал Тихомиров. – Пару дней назад. Вас как зовут?

– Ну, положим, Николай.

– Вот, значит, он как раз вам и просил передать: не ждите.

– А...

– Может, телефон оставите или адрес, где вас искать в случае чего?

Типчик на это пробормотал нечто неразборчивое, покивал на прощание и смылся.

– Ого, – сказала Елена, – что это на тебя нашло, Тихомиров?

– Решил помочь человеку. Может такое быть?

– Теоретически?..

– Ой, ладно. Слушай, я вот подумал: попроси свою... эту, как ее? Тынникову – чтобы достала что-нибудь почитать про человеческий мозг. Как устроен, какие волны испускает и все такое.

Елена открыла дверцу и протянула Тихомирову щетку, чтобы счистил снег.

– Откуда вдруг интерес к таким материям? Ты меня пугаешь.

– Да вот подумал вчера, что совсем тупею. Надо чем-нибудь загрузить голову.

– Ну ты даешь, Тихомиров. Это на тебя перед ток-шоу накатило – вроде как мандраж, только по-особому, по-эстетски? Ладно, ладно, поговорю, будет тебе книжка.

Ток-шоу, кстати, оказалось еще более невыносимым, чем он ожидал. Ведущая бляла тонким голосом, смеялась невпопад и постоянно перебивала, буквально всех. Спеть Тихомирову не дали, хотя изначально речь шла о двух композициях, о «Снежинке», конечно, и о старом его хите, «Зимних букетах».

И даже спорить или ругаться было не с кем: ведущая – пустое место, кукла, говорящая голова, а режиссера сразу после съемок куда-то срочно увела ассистентка – ходившая вразвалку жирная бабища лет шестидесяти. И Елена уехала, ей нужно было с Горехиным согласовать график на ближайшие две недели, какие-то там накладки образовались из-за истории с Лотом.

А главное – Тихомиров понимал, что скандалить он и не должен, что это он в них заинтересован, в этих пустоголовых, визгливых, тупых, что это они делают ему рейтинги и, в общем-то, позволяют петь. *Позволяют*, мать их, петь!

Он вышел из павильона и зашагал к гримерке, злой как черт. И стоило закрыть дверь, как тут же явились за автографами, вот сразу после съемок никто не захотел, а сейчас – давай колотить в дверь, да настойчиво как.

– Я занят! – рявкнул Тихомиров.

– Извините, – сказал вошедший. Шагнул в сторону, пропуская своего приятеля, а потом прикрыл дверь и клацнул старой, расхлябанной задвижкой.

– Какого хр... – и тут Артур наконец узнал второго из визитеров – и замолчал.

– Мы ненадолго. – Первый был узкий какой-то, угловатый – напоминал кузнечика. Пальто расстегнул, видимо, ждал давно, а в коридоре душно; под пальто виднелся вполне себе цивильный костюм.

Да и щетинистый сегодня был одет не в пример приличней. Хотя, подумал Тихомиров, он и раньше вполне мог... я ж его толком и не рассмотрел ни разу.

– Артур Геннадьевич, – сказал Кузнечик. – Во-первых, извините за хамство и грубость со стороны моих подчиненных.

Голос у него был вялый, пустой.

– А во-вторых? – по-хамски и, в общем-то, грубо спросил Тихомиров.

Кузнечик пару раз моргнул, затем пожал плечами:

– Ну, если желаете... Во-вторых, Артур Геннадьевич, все то же. Мы понимаем, что... ну, эта елка вам, наверное, дорога как память. Она стояла во дворе долгие годы... Но, так уж вышло, Артур Геннадьевич.

– Она что, особенная? В Киеве нельзя достать другую такую же? Я так понимаю, в средствах вы не ограничены...

Кузнечик едва заметно скривился.

– Ах да, конечно. Они вам не говорили?

Щетинистый мотнул головой.

– Я, – продолжал Кузнечик, – конечно, понимаю, что предлагать вам деньги... бес-тактно. Но, возможно, некое пожертвование или презент...

– Так что с этой елкой? – еще больше разозлившись, спросил Тихомиров. – У нее корни из золота, сердцевина из серебра? Ее посадила ваша прабабка?

– Да клейма же, – почти удивленно сказал щетинистый. – Клейма и чипы. Не провезешь такую в город.

Теперь Артур что-то такое начал припоминать, вчера вроде бы в новостях было: теперь все елки в городе продавали только с «лицензией», с клеймами на срезе и с чипами какими-то. Мол, если без них – контрабанда, и штраф впаяют.

– И в самом городе, – добавил Кузнечик, – такую нигде больше не найти – чтобы была практически бесхозная, неучтенная. А при нынешних пробках на дорогах... и снегопад этот... никто не хочет рисковать и везти контрабандой.

– А ваша, – зачем-то вставил щетинистый, – все равно же ничья.

– Ничья? – переспросил Тихомиров. – Ничья?!

– Выйди, – сказал щетинистому Кузнечик. Потом, когда дверь закрылась, снова повернулся к Артуру. – Еще раз прошу прощения. И давайте, если можно, к делу, я... ограничен во времени.

– Спешите куда-нибудь? – зло спросил Тихомиров. – А вот я не тороплюсь. И что касается елки...

– Спешу к дочери, – кивнул Кузнечик. – Иногда ведь знаете как: не ценишь и думаешь, что впереди уйма времени. А потом жалеешь.

Артур качнулся на носках туда-сюда. Потом в два шага пересек гримерку и встал вплотную к Кузнечику, глаза в глаза. Пахло от Кузнечика детским мылом, яблочным, что ли.

– Слушай, – сказал Тихомиров, – ты что ж, засранец, вот так решил, с намеками, да? Кнут и пряник, сначала о пожертвовании, а потом... – Он задохнулся от злобы и до хруста стиснул кулаки. Жалел, что подошел так близко, замахнуться никак, сгруппировавшись, и тогда он взял этого говнюка за отвороты его пальтишка, очень аккуратно так взял, почти нежно.

– Я, – невозмутимо ответил Кузнечик, – говорил о своей дочери.

– Чт... то?

– И елка, – продолжал он, – тоже для нее. Следующей не будет. А эта... эти праздники должны стать настоящими волшебными праздниками. Она уже все знает, но я хочу, я надеюсь, что хотя бы на эти пару дней она забудет о... о плохом.

Тихомиров отпихнул его от себя, как прокаженного. И сам отшатнулся на шаг.

В дверь тотчас постучали, и щетинистый нервно спросил, все ли в порядке.

– Все, – ответил Кузнечик. – Мы просто разговариваем.

И откуда я знаю, хотел спросить у него Тихомиров, откуда я знаю, что ты меня сейчас не обманываешь, что не решил вот так... если иначе не получилось, то на жалость...

Он покраснел, и сам не знал – от ярости, от стыда ли. А может, просто в гримерке стало слишком жарко.

– И чего, – спросил он, – чего вы хотите?

И сам на себя разозлился за тон, каким это произнес.

– Елка ничья, – спокойно, как маленькому, объяснил Кузнечик, – но игрушки на ней – ваши... в том числе ваши. Прошу вас – уберите их. Потом ночью мои люди аккуратно и быстро спилят елку. А на ее месте весной посадят новую, это я вам обещаю. И... если что-нибудь еще – только скажите.

Вряд ли, подумал Тихомиров, Настена будет так же любить новую елку. Наверняка не будет.

Он представил, что, в общем-то, мог бы ей все объяснить. Девочка взрослая, поняла бы. То есть – *это* поняла бы. Но не то, что отец в принципе согласился такое обсуждать, они же все в этом возрасте бешеные максималисты. Если замуж – так за принца, если любовь – то до гроба. Она ведь и с Еленой поэтому так...

– А если, – устало сказал Тихомиров, – я не соглашусь. Если елка мне действительно дорога как память. Что тогда?

– Я бы не хотел, чтобы эта история так... развивалась. Способ мы найдем. Через ЖЭК, в конце концов, хотя они там... – Кузнечик раздраженно дернул плечом. – Но это неважно. Это – неважно. Я обещал своей дочери. Вы ведь должны понимать – уж вы-то.

Тихомиров стоял, опершись задом о стол, разглядывал этого вот «обещателя» и чувствовал, как гулко колотится сердце в груди. На мгновение показалось, что кто-то другой – чужой и расчетливый – глядит на мир его глазами. Или даже он сам, Тихомиров, – этот другой, посторонний, а тот – и есть настоящий, главный.

– Ну что же, – сказал он, помолчав. – Ну, попробуем. В конце концов, что я теряю, верно?

Кузнечик осторожно кивнул.

– Только игрушки я убирать не буду, – добавил Тихомиров. – У меня хватает... и без того. Пусть эти ваши дождутся, пока в окнах свет погаснет... ну, то есть часиков до десяти, даже одиннадцати, да, лучше до одиннадцати – и сами снимут. И аккуратно пусть сложат в ящик, я специально под елкой оставлю. Но за других жильцов, – предупредил, – я не отвечаю. Если кто поднимет хай – сами разбирайтесь.

– Никто не поднимет, Артур Геннадьевич. – Кузнечик шагнул к нему, протянул руку, и Тихомиров, как бы наблюдая за происходящим со стороны, пожал ее. – Никто, повторил Кузнечик, – не поднимет. А вам – спасибо, Артур Геннадьевич. Новую елку я весной посажу, даю слово. И... я вам потом еще позвоню. Вдруг что-нибудь надумаете, насчет помощи. Буду рад!

Он склонил голову, а потом вышел этой своей быстрой, ломаной походкой.

– Сомневаюсь, – сказал Тихомиров, сам еще до конца не зная, в чем именно он сомневается. – Сильно сомневаюсь.

6

Из двух фонарей один – тот, что стоял у въезда во двор, – не горел, а другой светил как будто вполсилы. Тихомиров сидел у окна и рассеянно листал книгу, которую добыла Елена. «Себе на уме: как устроен человеческий мозг». Вроде бы и просто написано, а в голову не лезет, то ли действительно поглупел за эти месяцы, то ли...

Он перевернул сразу несколько страниц, уткнулся взглядом в очередную схему. Чтобы в ней разобраться, книгу следовало читать с самого начала, внимательно. И может, даже не один раз.

Артур снова взглянул на часы: было почти одиннадцать. Елена заканчивала разбирать почту. Настена сделала уроки и теперь то ли рисовала эти свои открытки, то ли опять чати-лась. Ну, главное, что все-таки здорова, температуры нет.

И еще хорошо, что окна ее комнаты выходят на улицу, а не во двор.

Надо будет, уходя, задернуть шторы, кстати. Вдруг Настена захочет ночью в туалет или воды попить – и случайно увидит... что-нибудь.

Он полистал книгу туда-сюда, зацепился взглядом за картинку, на которой какие-то волны, что ли, пронизывали человеческий мозг. В подписи речь шла об излучении, но что это за излучение, Артур так и не понял.

Но значит, в принципе такое возможно? Возможно, чтобы какой-нибудь аппарат, замаскированный в подарочной коробке, излучал, а мозг все это дело воспринимал? Вот только насчет «дурных» и «добрых» мыслей – здесь Тихомиров сильно сомневался. Может, дело тут в агрессии? В злости? Ну потому что «добрые» и «дурные» – это ж относительное понятие, да?

Как и «хороший»/«плохой», кстати. Взять того же Кузнечика... или даже Артура вот... – Все непросто, – пробормотал Тихомиров. – Нет однозначных решений, нет.

Он понял вдруг, что минут пять как погасил настольную лампу. А верхний свет и не включал, так удобней.

Артур поднялся заварить себе еще чаю и встал у окна.

Елка возвышалась посреди двора и была похожа на присыпанный снегом памятник. Или даже нет – на живое существо, реликт прошлых эпох.

В каком-то смысле, подумал Тихомиров, она и есть реликт. Именно прошлых эпох.

– Чего сидишь в темноте?

Он вздрогнул и обернулся.

Елена неслышно прошла по кухне, но лампу включать не стала. Мельком глянула на книжку, потом положила руку ему на пояс, прижалась к плечу.

Засвистел чайник.

– Заварить тебе?..

Не оборачиваясь, она выключила конфорку. С улыбкой покачала головой и кивнула в сторону коридора:

– Настя уже спит.

Тихомиров рассеянно посмотрел в окно – так, совершенно машинально. Во дворе кто-то топтался, двое или трое, и еще что-то угловатое, похожее на грузовичок, ворочалось в арке.

Он отвернулся и с легкой досадой задернул шторы.

– Пойдем, – сказал. И поцеловал жену. – Это хорошо, что спит.

Потом, когда ходил в туалет, по дороге обратно он якобы заглянул за водой и снова посмотрел во двор. Елка была на месте, хотя сугробы вокруг выглядели так, словно в них кто-то валялся.

Или падал туда со всего размаху.

– Слушай, – полусонно сказала Елена, – ты же понял вообще, что происходит?

– М-м?

– С Настеной.

– А что с ней?..

– Девочка вырастет, Тихомиров, балда ты этакая.

– И это ты мне говоришь после всего, что... Подожди, в каком смысле вырастет?

– В том самом. Не дергайся, я ей все объяснила. Хотя почти наверняка она уже и так знала: Интернет, подружки... Сам понимаешь, сейчас с этим проще. А еще, – добавила Елена, – она безнадежно втрескалась в мальчика из параллельного класса.

– Чего ж сразу «безнадежно»?

– Потому что он встречается с ее подружкой, Сушимниковой. Из-за этого они сначала поссорились, теперь помирились, но только знаешь, лучше ей все-таки на Новый год в гости туда не идти.

– А что ты предлагаешь? Чтобы сидела дома, одна?

– Пусть едет с нами на студию. С Дудко я договорюсь, если начнет возмущаться.

– Ну... можно и так. А вот все-таки, знаешь, ты у меня умница!

– Все-таки?! А ну-ка, Тихомиров, руки убрал!..

Когда он снова поднимался и снова как бы между делом заглянул на кухню, елка все еще стояла и двор был пуст. Падал снег, меленький какой-то, желтоватый... а может, показалось в свете фонаря.

Тихомиров поставил чашку возле раковины и вернулся в постель.

7

Настена хотела на Новый год планшетник. Артур, в принципе, был не в восторге: и так ведь из Интернета не вылезит.

– Можно подумать, ты другой, – сказала Елена. – Не нуди, Тихомиров.

Он пожал плечами и сдался.

– Выберешь модель получше?

В двери уже звонили – явился Зубавин с новой песней. «Специально для тебя, Артур. Я решил не повторяться – кому нужна вторая «Снежинка»?» Говорил он, как всегда: отрывисто, с паузами в самых неожиданных местах. И голову склонял набок совершенно по-птичьи, как будто прислушивался к чему-то. Наверное, к музыке сфер.

Они закрылись в кабинете, Зубавин показал материал – и Артур понял, что песня действительно потрясающая. Он никогда не понимал, отчего совсем непритязательные мелодии и тексты вдруг «выстреливают». Может, успех действительно просчитывается, существуют закономерности – и просто такие, как Зубавин, умеют подсознательно подбирать мелодии с подходящим ритмом.

Артур слушал Зубавина вполуха, то и дело поглядывая в окно. Это стало у него ритуалом. Так некоторые проверяют, не пришла ли эсэмэска, или смотрят на часы. Тихомиров не видел в этом ничего дурного: просто... ну, контроль за происходящим.

Он все чаще думал об излучениях и волнах. О том, что все мы, по сути, сложные механизмы, не больше. И управлять нами можно очень легко и просто, нужно только знать, на какие кнопки нажимать.

Ему казалось, что во дворе стало меньше ворон. Вообще меньше живности, хотя раньше те же синички и воробьи так и порхали туда-сюда. В доме напротив, на втором этаже, висела кормушка, зимой туда насыпали семечек, рядом насаживали на вбитый гвоздь кусок сала, и крылатая мелюзга слеталась со всей округи. Совершенно не боялись людей.

А вот теперь куда-то пропали. И дворовую кошку Нюсю – рыжую пушистую оторву, которая однажды насмерть сцепилась с приبلудным кошаком и исполосовала ему всю морду, – ее тоже не было видно.

Хотя, если честно, Тихомиров на нее давно внимания не обращал, может, она пропала намного раньше, до... всего этого.

На улице потеплело, между подтаявшими сугробами чернели лужи, и однажды он заглянул под елку проверить, как там коробка. Бант растрепался и лежал, протянув наружу обе ленты, – словно щупальца глубоководного кальмара. На кончиках чернела грязь, но сама коробка осталась чистой. Вообще-то Артуру казалось, что она стала больше, что ли... Нави-

савшая над ней ветка раньше не упиралась в угол коробки, это точно. Хотя, наверное, просто снег давил, вот ветка и прогнулась.

Тихомирову безумно интересно было посмотреть на то, как именно отгоняет коробка посторонних. Тот случай с дворняжкой... это другое, говорил он себе, там ведь, по сути, ничего и не произошло.

Теперь он нарочно старался пройти поближе к елке. Даже радовался, что в который раз мусоропровод забит и нужно выносить ведро к контейнерам, во двор.

Увы, сам он не испытывал никаких признаков внешнего воздействия, вообще ничего. То есть самую малость покалывало кожу ладоней и по спине как будто пером проводили, сверху донизу, едва касаясь, – но все эти ощущения были настолько призрачными, что Артур сомневался: может, он их сам себе нафантазировал?

Утром он выносил мусор и бросил под елку подсохший кусочек хлеба. Так уж совпало, что ехать сегодня никуда не нужно, вот встреча с Зубавиным, а потом до вечера день свободный. Тихомиров выглядывал в окно чаще обычного – без толку. На хлеб ни одна птица не позарилась.

– Так что ты скажешь?

– Прости? – Артур повернулся к Зубавину. Тот глядел на него с легким изумлением, все так же склонив голову на бок.

– Ты кого-то ждешь, Тихомиров?

– Да нет, кого я могу ждать.

Зубавин пожал плечами:

– Ну ладно. Наверное, сегодня неудачный день – давай в другой раз поговорим, да?

– Э-э-э... Ну, если тебе это удобно, то конечно... Прости, что так. Голова забита черт знает чем. Совсем не варит.

Он снова оглянулся – и увидел, как на одной из верхних ветвей покачивается длиннохвостая, наглая сорока. А вот уже спрыгнула ниже, и еще ниже. Явно нацелившись туда, где лежит хлеб.

– Так ты проводишь меня, до дверей-то?

– А? Да, конечно, пойдем. Ты понимаешь, песня отличная... просто... ну, пару дней подумать бы. Может, докрутить еще, дожать... я не знаю... с аранжировками поиграться...

– Ясно, – сказал Зубавин. – С аранжировками, конечно. Как же я сразу не сообразил. Ну, бывай, Тихомиров.

– Пока! С наступающими!

Он захлопнул дверь и... на кухне же Елена, значит, надо обратно в кабинет, – он метнулся по коридору.

– Артур, ну что там?

– А?

– Чего он так быстро ушел? Вы обо всем договорились?

– Да как-то сегодня... – Тихомиров махнул рукой. – Перенесли.

– На когда?

– Ну что значит «на когда»? Созвонимся после праздников, он подъедет.

– Тихомиров, ты чего? Он же за городом живет, ему сюда выбираться, тем более по такой погоде... Песня-то хорошая?

– Шикарная, Лен, правда. Извини, я на минуточку... А ты куда собралась?

– Тихомиров, ты помнишь вообще, о чем мы только что, до Зубавина, говорили? За подарками. Дверь закроешь?

– А, ну да... конечно, закрою!

Он подал пальто, защелкнул замок и рванул на кухню. Чуть не навернулся на скользком паркете.

Во дворе было пусто. Ни сороки, ни – он пригляделся – хлеба под елкой. Потом появилась Елена. Спокойно так прошла мимо елки к машине, села, выехала со двора...

Он понял, что какое-то уже время стоит, сжав кулаки и уставившись вниз, туда, где ветки пригибались к самой земле. Потом заставил себя разжать пальцы и отойти.

Но уже в кабинете, когда сел разбирать почту, после каждого прочитанного мейла поворачивался к окну.

А то и чаще.

8

Уже тридцатого он понял две вещи. Во-первых, у него действительно мания. Он взрослый человек, и нечего себя дурить. Да, он смотрит в окно чаще, чем следует. И думает о коробке под елкой, только о ней одной.

Это, наверное, как-то связано с переутомлением. Все-таки последний месяц был насыщенным. Тяжелым был, чего уж тут.

Да это, понимал он, и не важно. Потому что – во-вторых – еще неделя-две, и праздники закончатся. Игрушки надо будет снимать, верно?

И вот когда Артур сообразил это, на какой-то короткий миг ему стало по-настоящему страшно.

Механизм – он механизм и есть: простые реакции на простые раздражители. Даже если речь идет об излучениях и волнах. Какотреагирует эта штукавина на попытку снять с елки игрушки? Они вообще учили такой вариант, программисты, создатели, кто там этим занимался?

Он мысленно сделал себе пометку, что нужно поискать инструкцию, наверняка ведь курьер вместе с коробкой доставил, Артуру казалось, он даже помнит, как выглядела эта книжечка. А если не найдет, можно позвонить в офис фирмы-производителя и все уточнить. Да господи! – затребовать, чтобы прислали своего спеца и демонтировали на фиг устройство. Ну заплатить им дополнительно, это не проблема.

Тридцать первого днем, когда выпала свободная минутка, он полез в комп искать сайт, с которого оформлял заказ. Найти не смог – по линку выбрасывало на страницу с наглой кроличьей мордой и надписью «Ошибка».

– Па, ты во сколько будешь петь?

– А? Не знаю, надо у Лены спросить. А ты почему вообще дома? Ты же собиралась праздновать у... э-э-э... ну... в гостях же.

Настена странно так на него посмотрела:

– Я ведь позавчера тебе говорила. Я дома остаюсь. Так лучше будет. – Лицо у нее изменилось, и Тихомиров с изумлением понял, что дочка-то повзрослела, на самом деле повзрослела. – Ты сам всегда говорил: «Не нужно цепляться за то, что уже в прошлом».

Он машинально кивнул.

– Ну вот. Поэтому я так решила. И Лена согласна, кстати.

– Ладно... как знаешь. С нами не хочешь?

Она помотала головой:

– Лучше скорей возвращайтесь, хорошо?

– Заметано, малыш. – Артур глянул на часы и вскочил: – Ох ты ж!.. Лен, мы опаздываем!

– А ты разве не одет?! – Елена заглянула в комнату и покачала головой. – Слушай, Тихомиров, это саботаж. Давай в темпе, я же тебе полчаса назад говорила, что пора выдвигаться, горе ты мое. Насть, пойдем пока на два слова, дадим ему шанс исправиться.

Одевался он буквально на ходу. Успел еще вырубить ноут и проверить, нет ли эсэмэсок на мобильном. В последние дни отчего-то ждал, что вот-вот объявится Кузнечик, но тот, видимо, решил не связываться. Или нашел себе другую елку. Или еще что-нибудь...

В окно, пока собирался, выглянул раза три, от силы пять. Елка стояла недвижимая и прямая, как монумент. Снова начал падать снег, подмораживало. Когда выходили, Артур подал Елене руку и держал, навернуться тут было на раз, дворники чистили от случая к случаю.

– После эфира, – сказала она, – давай возьмем Настену и спустимся к елке.

Артур улыбнулся:

– Будем водить хороводы?

– Поднимем бокалы, а там... да хоть и в снежки поиграем. Праздник же, Тихомиров, праздник!

Он кивнул, снял машину с сигнализации и распахнул перед Еленой дверцу.

– Но игрушки, – сказал, – я завтра-послезавтра сниму. Все равно по такой погоде половина из них превратилась в мусор.

Она как-то странно посмотрела ему за спину – Тихомиров машинально обернулся туда, но ничего не увидел. Только с одной из веток с легким шорохом осыпалась шапка снега.

– И на этом, – сказал он скорее самому себе, – закончим.

9

В павильоне все уже были в настроении. Помрежи пытались уговорить народного артиста Брунько, который, в свою очередь, порывался проникнуть на съемочную и поздравить «Любих глядачів з новим, дві тишч... сч... ич...» К счастью, рвался Брунько не туда, где работали над «Огоньком», а в соседний павильон; в конце концов решили, что проще пустить. И запереть. Из коридора слышно было, как он уныло бродит во тьме и время от времени роняет себя в декорации. Помрежи смеялись: все равно после праздников разбирать. А сам народный наутро ничего не вспомнит.

– Ему же еще выступать, – удивился Артур.

Пробежавший мимо Горехин отмахнулся:

– Вот как раз проспится. А если себя офингалит, так девочки ему сделают грим. Все будет в ажуре, Тихомиров, ты за него не беспоко... А, Лен? Ну ладно, хорошо, на минутку...

Елена аккуратно взяла его под руку и увела куда-то. Горехин знал их обоих слишком давно, чтобы возражать. Проще сразу ответить на все Еленины вопросы; сопротивление бесполезно.

– Артур Геннадьевич, а вы еще не в примерке? – одна из ассистенток едва в обморок не хлопнулась.

Примерку ему выделили одну на двоих с Позолотовым. Тот уже был при параде. Мурлыкал какую-то мелодийку и сцеживал из фляжки в пластиковый стаканчик, как бы не из-под лекарства, коньячок.

– О, Тихомиров! Будешь?

– Не откажусь.

– Держи, а то пока они там накроют... Девонька, а можно ножичек какой-нибудь? У меня тут, – подмигнул он, – трошки сыра, колбаски. Так, для закусить исключительно.

Пока Тихомирову придавали товарный вид, Позолотов нарезал и продолжал мурлыкать.

– Знакомая мелодия, – заметил Артур.

– Вряд ли, брат, вряд ли. Это новая вещь, нигде не засвеченная. Зубавин твой специально для меня написал. Думаю, будет хит. Вот крутой он все-таки мужик, этот Зубавин: с

чистого листа шпарит так, что не придерешься, никакие доработки не нужны. Раз – и готово! Но ты не думай, эта вещь явно мимо тебя, правильно он сделал, что мне принес. Не твое, Тихомиров, ампула. Так, держи-ка, – он поставил под зеркалом на столе стопочку, рядом на листе бумаги пристроил несколько ломтиков колбасы и соленого сыра. – Ну, с новым счастьем! Вздрогнули! Тебе, милая, пока не предлагаю, рука вам нужна твердая, глаз точный. Но мы ж наверстаем, да?

Он подмигнул и приобнял, ассистентка зарделась, но руку заслуженного сбрасывать с плечика не рискнула.

– Все, – сказала. – Готово, Артур Геннадьевич.

Тихомиров поблагодарил ее, сказал Позолотову, что должен пройти, и выскользнул в коридор – искать Елену. Хотя теперь-то – зачем? Раньше надо было думать, ясно же, что даже если Зубавин договор еще не подписал, песню он не вернет. С Позолотовым ссориться – себе дороже.

Но все равно Елене нужно быть в курсе. Вдруг она наобещает кому-нибудь золотые горы – тому же Горехину. А, вот кстати...

– Подожди, Димыч, не беги так. Где Елена?

– Да уехала твоя Елена. Что вы сегодня все намаханные, блин? Ты ей чего, про подарок растрепал?

– Какой подарок?

– Ну про фирму эту, «Радопан». Весь мозг мне проела. Как будто я виноват!

– Спокойно, Димыч, давай по порядку. Что за фирма?

– Ну фирма, наша, представительство китайской. Ленка твоя еще пару дней назад мне звонила, спрашивала, что да как. Я пытался выяснить, а тут и... В общем, совпало нехорошо. А фирма – что. Закрылось, конечно. Эти китайцы с их суперсовременными технологиями... за ними нужен глаз да глаз. Проблемы с товаром. Пломбы ненадежные или что. Говорят, в розыске. Ну, те, которые здесь торговали.

– А чего Елена этим интересовалась?

– Так я ж говорю, – пожал плечами Горехин, – видимо, узнала откуда-то. Хотя про Извольского мало кто в курсе.

– Извольский тут при чем?

– У тебя память дырявая, Тихомиров? Извольский же себе точно такой прибор заказывал, на дачу. Ну, помнишь, я говорил? Так пять дней назад... или уже шесть? – в общем, сгорела на фиг дача. А сначала-то он был доволен. Раньше к нему через забор постоянно кто-то лазил, тырили там по мелочи. Ну, не капкан же на них ставить. И вот я ему достал, через знакомых. Работало безотказно, отличная техника. И не похоже, чтобы коротнуло. – Горехин помотал головой. – Я узнавал – бред какой-то. Вроде бы на месте пожарища, значит, обнаружены два трупа. – Он как будто с бумажки читал, по памяти, даже глаза прикрыл. – Один – собачий. (Была у Извольского собака, все правильно.) Второй – вроде как самого Извольского. Обгорел не сильно, говорят, умер от удушения. В смысле, не от угарных газов – действительно задушили его. Подарочной ленточкой, она вокруг горла была обмотана.

– Значит, – сказал Тихомиров рассеянно, – это уже после пожара. Если ленточка не сгорела.

– Да вот нет. Эти китайцы... у них, блин, все сверхпрочное. Там другое странно... – Он снова помотал головой, вздохнул: – Слушай, Геннадьич, давай об этом потом как-нибудь. Меня Дудко ждет, я через полчаса тебя сам найду, лады?

Тихомиров стоял, качаясь с пятки на носок и глядя ему вслед. Затем словно очнулся от сна, выудил из кармана мобильный и набрал Елену.

Связь была, и гудки шли, длинные, один за одним. Затем на автомате сбросилось.

Он набрал снова. Шагал туда-сюда по коридору, машинально кивал приятелям.

Раз на пятый, что ли, вдруг в другом кармане зазвонил айфон – Артур от неожиданности едва не выронил мобильник.

Это была Настена, по скайпу.

– Па-а-а! Ты меня простишь?

– Да куда ж я денусь? – сказал он рассеянно. – Уже простил. Признавайся.

– Ну, я не вытерпела. Лена сказала, где лежит подарок, и я... Па, это здорово! Четвертый айпад – это просто отпад! Вот, я уже, видишь, осваиваю.

– Лена? А ты с ней давно разговаривала?

– Так дома, пока ты собирался. Привет ей передавай!

– Обязательно, ага. Ну... а ты как там вообще? Жива-здорова?

Настена пожала плечами:

– В смысле? Перекусила, вот с подарком разбираюсь. А тут сюрприз. Я не открывала, честно. Ну, до двенадцати не буду.

– Вот и славно. Я тогда... – Он сделал рукой неопределенный жест. – Еще перезвоню тебе. Пока.

Он снова набрал Елену – и с тем же результатом. Тогда Артур прошел в соседнее крыло и выглянул на стоянку. Их машины не было, вместо нее стоял заляпанный грязью трактор.

– И что же все это должно означать? – спросил самого себя Тихомиров.

Он почему-то вдруг вспомнил о Кузнечике, как тот смотрел вдумчивым своим взглядом, пожимал плечами...

Да нет, сказал себе, ну просидел я в гримерке минут пятнадцать, за это время Елена еще до дому могла и не доехать, да-да, конечно, она еще просто не доехала... Хотя зачем бы ей вообще?..

Где-то на лестничной площадке смеялись и звенели бокалами, бахнула хлопушка.

Тихомиров пошел обратно, хмурясь и пытаясь сообразить, о чем он мог забыть. Ну, кроме очевидного: что скоро на съемочную.

По дороге снова наткнулся на Горехина: тот с ошалелым взглядом заглядывал в гримерки и вопрошал, не знает ли кто, куда делся Брунько. Склеротик.

– Эй, Димыч, – позвал Тихомиров. – Ну-ка, на пару слов.

Горехин замахал на него руками и скорчил рожу.

– Я знаю, где твой Брунько.

– И?!

– Услуга за услугу. Ну-ка, давай в подробностях о том, что ты говорил Елене. Какие такие странности были на даче Извольского?

– Фу ты, Геннадьич, нашел время, блин! – Горехин увернулся, пропуская двух осветителей. Те тащили куда-то «пушку» и вполголоса матерились. – Да вообще там ничего конкретного, чтобы ты знал. Слухи одни. Вроде как обнаружили рядом с телом Извольского каркас. Такой... мне толком не сказали, из чего. Они, может, и сами не знают. И в нем – в каркасе этом обгорелом – вроде как странный комок. Типа мешка – ну, ткань органическая, но сверхплотная. Внутри тоже... органика. Вперемешку с кусками механизма какого-то. Теперь пытаются выяснить, кто из гостей подкинул эту штуковину и зачем ее потом пытались сжечь. А главное – куда сами гости делись? У него там накануне вечеринка была – с женой, с братаном его, еще с кем-то. Человек шесть или семь гостей. Машины во дворе стоят, а сами пропали.

– И какие версии? – медленно спросил Тихомиров.

– Да какие... Ужрались до чертиков, случайно устроили пожар. Виновники сбежали.

– Без машин.

– И даже без верхней одежды. Ладно, Тихомиров, все, колись, где Василь Василич, иначе меня Дудко распнет!

В этот самый момент дверь павильона хрустнула и отворилась, из черных недр явился народный артист собственной персоной – изрядно, разумеется, помятой – и возопил:

– Ыграть!

Горехин ринулся к нему с распростертыми – и успел перехватить обрушающегося Брунько за пару секунд до, собственно, обрушения. Далее последовали вполне ожидаемые скандал с воплями. Постепенно подтягивались наблюдатели, все от души развлекались и давали добрые советы.

Тихомиров стоял чуть в сторонке, машинально улыбался и все слушал, слушал, слушал длинные гудки.

– Кто-нибудь, – шипел Горехин, – позовите гримеров и... блин, медсестру, что ли, его же в таком виде нельзя! Кто вообще устроил такой сюрприз, мать вашу так?! Кому в голову пришло...

Артур потер свободной рукой лицо. На лбу выступили капельки пота, хотя в коридоре жарко не было, даже скорей наоборот.

Он потянулся за айфоном и набрал Настену.

– Па? Ну что, когда ты будешь петь? А то я тут рядом с теликом полвечера...

– Подожди, не тараторь. Что ты про сюрприз говорила, который до двенадцати не будешь открывать? Если айпад ты уже осваиваешь...

– Ну курьер же принес. Только под дверью зачем-то оставил. Я никуда не выходила, не спала, телик громко не включала. Думала, у нас звонок не работает – но нет, я проверила потом, когда забирала... В общем – и ладно, какая разница. Наверное, у него сейчас заказов много, не мог ждать. А я услышала звонок и...

– У кого много заказов? Какой звонок?!

– Ну чего кричишь? У курьера. Который принес второй подарок. Да я тебе сейчас покажу...

Настена пристроила айпад в передней, на тумбочке под зеркалом, и исчезла из поля зрения.

Артур машинально потянулся в карман за мобильным и еще раз набрал номер Елены. Это было нервное, просто не мог стоять и ждать.

Руки тряслись.

– О! – крикнула Настена откуда-то издалека. – Слышишь? Опять! Вот вы смешные! Ну зачем мне еще одна мобилка, па? Уф, а тяжеленный какой! Но я все равно не буду открывать до двенадцати, так и знай! Совсем неподъемный, – сказала Настена, снова появившись на экране. – Вот я балда, нет чтобы айпадом тебе показать.

Тихомирова как что-то под руку толкнуло: он резко сбросил звонок на мобильном.

Знакомый рингтон там, за спиной у дочки, оборвался.

В этот момент из гримерки вышел уже «хороший» Позолотов в сопровождении одного из помрежей. Неодобрительно глянул на кучу-малу вокруг Брунько, поджал губы. Потом заметил Тихомирова и кивнул:

– А, коллега. Нас тут на сцену, массовка под час чэ, сразу после того, как отхрюкает свое гарант. Давай, потом договоришь.

– Ну наконец-то! – подхватил помреж. – Артур Геннадьич, я вас обыскался! Хорошо, мне вот Николай Игнатъич...

– Ладно, па, – сказала Настена, – я тебе еще потом позвоню, ага?

– Нет! – Он увернулся от помрежа, оттолкнул его. – Стой! Не отключайся!

– Да что на тебя нашло?! – благодушно хохотнул Позолотов.

– Не отключайся, слышишь?! – Артур плечом отодвинул его в сторону, ввалился в пустую гримерку и запер дверь изнутри. Зачем-то еще приставил к ней стул.

– Я занят! – рывкнул. – Нет, милая, я не тебе. Ты здесь?

– Д-да... Па, что там происходит? Я правда потом перезвоню.

– Ничего не...

Где-то далеко в телевизоре пробило двенадцать. В соседней студии радостно закричали, хлопнула пробка.

– Ой, – сказала Настена. Она обернулась и посмотрела куда-то вбок. В сторону входной двери.

Именно туда она ходила, когда пыталась показать Тихомирову «сюрприз». Тяжелый сюрприз, который доставил неизвестный курьер. Сюрприз, внутри которого лежит мобильный Елены.

Если – только мобильный.

– Ой, пап, – сказала Настена. – Па-а-ап!..

Тихомиров прислонился к столу. В дверь гримерки стучали, грозились позвать охрану. Потом Позолотов фыркнул:

– Да пошел он в жопу. Что мы, сами не отсняемся? А с этим пусть Дудко разбирается, у вас же контракт?..

Помреж что-то вякнул.

– Ну вот, – сказал Позолотов, – попадет в черные списки на всех каналах, тогда и запоем по-другому. – Он хмыкнул и зашагал прочь.

Артур стоял, спокойный и бледный. Не мог оторвать глаз от экранчика, даже положил айфон на стол, потому что руки-то слегка дрожали... сердце билось ровно, а руки дрожали.

Внутри поднимался, прорастал тот, другой Тихомиров. Тот, который на самом деле жил за него последний месяц.

А может, и дольше. Может, последние несколько лет.

Лот, который оглянулся... который всегда оглядывался. Не из сочувствия – из холодного, восторженного любопытства.

На микронную долю секунды этот другой Тихомиров подумал о том, что сейчас все узнает наверняка. Сейчас – увидит.

Краем глаза Артур заметил в зеркале его лицо – чужое, омертвевшее, с дряблой кожей и мешками под глазами. Оно тотчас вздрогнуло и почти сразу изменилось, стало похоже на привычное, прежнее.

Все это заняло не больше мгновения – как и то, что Артур сделал после. Он уперся левой рукой в стол, а правой схватил ножичек, оставленный Позолотовым, и резко, словно врач, вкалывающий антибиотик, ударил острием по кисти. Вогнал лезвие между указательным и большим.

Пальцы судорожно дернулись и царапнули по дереву.

– Па... – одними губами шепнула Настена. – Ты там? Это что вообще?..

На экран она не смотрела – не спускала глаз с того, что лежало у входной двери.

Боль была вялая, почти неощутимая. В отличие от стыда.

Но сейчас, подумал он, у меня нет времени ни на стыд, ни даже на отвращение к себе. Даже на то, чтобы плакать о Елене.

Времени у меня вообще нет.

Давай, приходи в чувство. Думай, твою мать.

– Малыш, – позвал он. – Настена. Ты сейчас вот что. Слушай меня очень внимательно, хорошо? Главное – не бойся, нельзя бояться.

Он не знал, что там происходит, мог только догадываться. Не имеет значения, как коробка оказалась под дверьми квартиры. Если это... если она ведет себя так, как он предполагает, значит, Елена обнаружила ее первой. Уже знала о случае с таким же аппаратом у Извольского и была агрессивно настроена к «подарочку». А тот отреагировал соответственно.

Все-таки, удивился он, неужели эта тварь научилась передвигаться? Неужели из-под елки сама... но почему именно на четвертый этаж, почему – к дверям тихомировской квартиры? А может, это все-таки дело рук Кузнечика?

И тут же – дернул за рукоятку ножа. Так, несильно. Просто чтобы прочистить мозги и не думать о второстепенном.

«Думать». Да, это был ключ ко всему.

– Послушай, – сказал он, – постарайся вспомнить что-нибудь приятное. Праздничное. Связанное с елкой, с по...

Едва не сказал «с подарками», – но если там сейчас перед ней эта хрень с бантом... нет, лучше...

– Вспомни о том, как мы раньше праздновали Новый год. С мамой. Тебе же всегда это нравилось.

Он не видел сейчас ее лица, но по интонациям понял, насколько она сбита с толку:

– Пап... Это обязательно? Я просто... ну... я уже плохо что помню, если честно. Ты же сам...

Он провел правой ладонью по лицу.

– Хорошо, – сказал, – просто поиграем в игру. Я буду говорить, а ты – не вспоминать, а воображать. Мы с тобой всегда начинали украшать елку в середине декабря, мама на выходные доставала с антресолей ящики с игрушками, мы протирали их...

Он говорил и понимал, что все впустую. Он и сам уже ничего или почти ничего не помнил, прошлое стало набором черно-желтых фотографий. Чужих карточек.

– Па, – шепнула Настена, – оно все-таки движется. Медленно так... бант этот... Кажется, не срабатывает, па...

Вспоминай, оскалился он на себя в зеркале. Взгляд был злой, верхняя губа подрагивала. Вспоминай, засранец!

Он дернул за нож – не вбок, а вверх, вытащил лезвие, и сразу же из раны хлынула кровь, и одновременно – он как будто услышал знакомый голос, увидел, как Алена берет йод и щедро льет на рану, и говорит встревоженно: «Ну печет-то хоть, Тихомиров? Жить будешь?»

– Родинка, – сказал он. – Малыш, помнишь ее родинку, здесь под ключницей? И как она смеялась, чуть наклоня голову к плечу? И эту ее присказку, насчет «никогда не бывает слишком поздно, чтобы успеть»? А игрушки – мы же их вешали в строгой очередности, помнишь? Сперва доставали верхушку, в виде старинных курантов. Белых таких, с черными стрелками и алыми цифрами.

– Мне дали их протереть, а я не удержала, но они не разбились. А я... я перепугалась тогда. Сама не знаю, почему. Знала, что вы не будете ругать...

– Так все и было. А еще гирлянды – бумажные, в виде бабочек. А теперь, малыш, делай маленький шагок назад и продолжай думать о гирляндах. И еще были хлопушки, ты всегда думала, что в них что-то есть, и однажды расковыряла самую большую, проверить. И потом вы с мамой ее чинили. Делай шагок назад. Заклеивали цветной бумагой и раскрашивали фломастерами.

– А когда били настоящие куранты, ты обнимал маму и целовал. Ровно столько раз, сколько они били. Это было так смешно!

– ...И еще шагок. А ты прыгала вокруг и требовала, чтобы мы тебя тоже целовали. И бросалась снежками... Не оглядывайся, просто скажи: далеко до двери?

– Я почти рядом.

– Вспоминай и слушай. А в школу ты одевалась доброй феей и потом бегала по дому с этой своей волшебной палочкой и касалась всего подряд, и мы делали вид, что табурет превратился в барашка, а зеркало – в окно, за которым – волшебный мир. Ты выйдешь в коридор, малыш, и закроешь за собой дверь из прихожей, быстро и крепко, и придвинешь с

той стороны стул, принесешь из кухни. Потом запрешься у себя в комнате, к двери приставишь что-нибудь тяжелое, лучше всего кровать. И будешь меня ждать. А потом в школе ты получила первую премию за самый лучший костюм и самую лучшую роль, и так разволновалась, что затемпературила. И мы встречали тогда Новый год дома, возле окна. Забудь про айпад, не трогай его, просто выйдешь за дверь и сделаешь, как я скажу. Я минутки три буду занят – мне надо будет одеться и взять ключи от машины, а потом я тебе перезвоню, когда буду ехать. Все будет хорошо, малыш. Все будет хорошо...

Он говорил с ней, а сам уже вытирал с руки кровь, плеснул на рану из стаканчика позолоты опивки, прервался, потому что все-таки дыхание перехватило, но сразу же продолжил («и вот мы тогда еще нацепили эти дурацкие маски...»), кое-как перевязал руку носовым платком, набросил на плечи пальто, в последний момент догадался прихватить шарф и понадежней обмотал шею; теперь, думал он, ключи – лучше всего позаимствовать у того же Позолотова или у Горехина, дороги сейчас пустые, домчусь, а там уже по ситуации; и вот еще – отзвониться участковому, только правду не говорить, сказать, что воры залезли, это нормально, поверит, и огонь, тварь эта боится огня, ну, обеспечим; только бы успеть, только бы, думал он, успеть и не облажаться, времени совсем в обрез, но не может же быть, чтобы я после всего опоздал, никогда не бывает слишком поздно, шептал он дрожащим голосом, никогда, никогда, никогда, никогда...

Кукольник из предместья (Василий Щепетнев)

Декабрь 1940 года в Таллине выдался на редкость солнечным – во всяком случае, для капитана Николаева. Несмотря на то что служба занимала двенадцать, а то и шестнадцать часов в сутки, он, родившийся и выросший в орловской деревеньке, был в восторге от города, от его узеньких кривых улиц, старых домов, которые выглядели лучше новых, от ощущения опрятности и чистоты, от запахов кофе и сдобы. В редкие свободные часы, гуляя по городу, он чувствовал себя рыцарем, освободившим сказочное королевство от злобного дракона.

К приезду высокого начальника из Москвы Николаев подготовился настолько хорошо, насколько это возможно: привел в образцовый порядок служебные дела, зарезервировал лучший номер в гостинице. Оставалось одно – найти подарок. Оно, конечно, служебные отношения не должны пачкаться подношениями, но личный дар от всего сердца еще никогда и никому не вредил. Тем более если подарок будет сделан не самому начальнику, а его семилетней дочке, в которой начальник души не чаял.

Подарок Николаев подобрал безупречный: куклу. Но не простенькую, из папье-маше или целлулоида, а ту, что сама по себе является произведением искусства и стоит преизрядно. На знатока кукла. А что начальник оценит подарок у знатоков, Николаев не сомневался.

Куклу – большую, с трехлетнего ребенка, – сделал старый кукольник Франц, живущий в предместье Таллина, Кадриорге. Он, этнический немец, не спешил уезжать в фатерлянд, говоря, что там вряд ли сейчас интересуются куклами. Кукольник проходил по одному из дел, расследованных капитаном Николаевым, и был оставлен «на карандаше», но зато и на свободе.

Кукла не только была потрясающе красива – она умела говорить «Ах, муттер!» и выводить перышком «С Рождеством Христовым!» на осьмушке листа, после чего посыпать написанное песочком из кукольной песочницы. Франц утверждал, что при надлежащем уходе кукла будет жить (он так и сказал «будет жить») сто лет и больше. В его собственной коллекции когда-то были куклы времен реформаторских войн, но нужда заставила распродать их.

Получив куклу, Николаев попросил мастера открыть корпус и осторожно и тщательно осмотрел ее: мало ли, вдруг внутри адская машинка. Но там были лишь шестеренки, пружинки и прочая машинерия. Успокоенный, капитан положил куклу в футляр, который тоже был произведением искусства: снаружи красное дерево, внутри черный бархат, а петли, уголки и рукоятки из фигурной бронзы. Домой футляр он вез на коленях и сам, не доверяя шоферу, занес его в квартиру, где и положил в углу за столом кабинета. Прежде тут жил какой-то профессор-националист, и мебель после него осталась реакционная – прочная и тяжелая, так что никакая случайность подарку не грозила.

Ночью сквозь сон – капитан засыпал скверно и потому взял в привычку принимать на ночь стакан-другой водки – ему слышались легкие шаги, шелест бумаг, стук упавшей ручки. Он вышел из спальни и заглянул в кабинет. За столом находилась кукла! Она спокойно взглянула на капитана, в ее стеклянных глазах, сделанных с высочайшей степенью достоверности, вспыхнул красный огонек, и Николаев погрузился в новый сон. Новый – потому что поутру, припомнив случившееся, капитан пришел к выводу, что все ему, разумеется, пригрезилось. И как иначе – кукла ведь по-прежнему пребывала в футляре, а папки с делами были по-прежнему заперты в специальном ящике-сейфе письменного стола. Просто эстонская водка русской голове непривычна, вот и мерещится всякое. Объяснение рациональное и потому верное.

Начальство приемом осталось довольно, осталось довольно и подарками.

Служба шла своим чередом.

Спустя два года начальник Николаева был обвинен в шпионаже в пользу Германии. Улики казались неопровержимые, и оборотень понес заслуженную кару. Превратности карьеры привели к тому, что Николаев контролировал дело. Внимание его привлекли следующие детали: бывший начальник обвинялся в том, что передавал важнейшие сведения резиденту немецкой разведки. Сначала он категорически отрицал свою вину. Тогда были предъявлены доказательства: копии важнейших документов, посланные резиденту обычным письмом и перехваченные бдительным цензором. Пишущая машинка, на которой была отпечатана копия, была идентична той, что находилась в домашнем кабинете начальника – об этом с уверенностью заявляла экспертиза.

Но Николаева заинтересовало другое: показания Лели П., дочери начальника. Леля утверждала, что письма эти печатала кукла, она же помещала их в конверты и приказывала девочке бросать их в почтовый ящик. Девочка не смела ослушаться куклу, которую и любила, и побаивалась.

Разумеется, ее показания не были приняты во внимание: мало ли что скажет девочка-первоклассница.

Но Николаев (к тому времени он был переведен в Москву) не поленился посетить детский дом, в который после процесса поместили Лелю. Та подтвердила свои показания. По ее словам, кукла в отсутствие взрослых разговаривала, ходила по комнатам, заходила в папин кабинет, смотрела бумаги и печатала на машинке. Леля пыталась рассказать об этом родителям, но те отнеслись к ее словам как к вздорной фантазии.

Николаев попытался отыскать следы куклы. Кукла, как и прочее конфискованное имущество, поступила в спецмагазин, где и была приобретена в семью ответственного работника Генштаба Р. для шестилетней дочери Татьяны.

Работник Генштаба был недостижим для Николаева, но он сумел встретиться с Таней, которая гуляла с нянькою на бульваре, встретиться и поговорить о куклах. Подсев на скамеечку, он сказал, что у его дочери Нины есть кукла, умеющая говорить «Мама» и закрывать глаза. Подумаешь, ответила девочка, вот у нее есть кукла Марта, так она и разговаривает, и ходит, и даже пишет письма. Вот ей, Тане, кукла велела купить конверт и отправить письмо в волшебную кукольную страну.

Николаев собственноручно купил Тане конверт.

Остальное было делом простым: на следующий день из почтового ящика достали помеченный конверт. Красивым почерком в письме сообщалось о быте различных родственников, родственников, которых у военачальника не было никогда. Заподозрили, что это – кодированные имена. Проверили адресат: им оказалась старушка швея, перешивавшая старую одежду. Установили наблюдение. Оказалось, что к старушке ходят люди разные, в том числе и весьма интересные для ведомства Николаева, а в домике, где жила старушка, был запеленгован радиопередатчик, появлявшийся в эфире нерегулярно и лишь на очень короткое время. Если бы не пристальное наблюдение за домиком, найти передатчик обычными средствами было бы крайне затруднительно.

В результате оперативных мероприятий была раскрыта немецкая резидентура, готовящая покушение на Верховного Главнокомандующего!

После проведения арестов членов террористической группы, включая генерала Р., Николаев изъял куклу и поручил разобраться с нею музейному работнику, искуснейшему механику и знатоку Средневековья. Увы, по непостижимому стечению обстоятельств автомобиль, в котором перевозили куклу, попал в аварию. Водитель и сопровождающее лицо погибли.

Когда на место происшествия прибыли компетентные сотрудники, куклы в салоне автомобиля не оказалось. По всей видимости, кто-то из несознательных прохожих, воспользовавшись суматохой, взял куклу из столкнувшегося с грузовиком автомобиля.

Розыскные мероприятия успеха не принесли...

Бремя хорошего человека (Тим Скоренко)

Дилижанс появляется на горизонте. Главное событие недели – вести извне. Иногда дилижанс не доезжает: его грабят, пассажиров убивают или бросают в прерии. Это примерно одно и то же. Тогда приходится ждать дольше, так как новый дилижанс появляется не раньше чем через месяц.

Поднимается пыль. Я стою у крайнего дома и смотрю на приближающийся экипаж. Жители постепенно скапливаются. Они покидают дома с надеждой, что сегодня что-нибудь изменится. Что в каком-то из писем будут жизнеутверждающие новости. К примеру, к нам строят железную дорогу. Или нас решил посетить шериф. Впрочем, какой шериф. Ему добираться – пятьсот миль.

Джек Бонд объявился в городе семнадцать дней назад. Он приехал с востока на собственной лошади, у него с собой было полфляги воды, два кольца и неотразимая улыбка. В его глазах светилось то, чего не хватало в наших: жизнь. Он спешился, зашел в салун и попросил пива. Пиво Бак варит сам. Хорошее пиво, не думаю, что где-нибудь еще есть такое.

Джек Бонд сидел у стойки и провожал глазами Китти, дочку старика Картера. Картеру – за шестьдесят, а девочке – семнадцать. У нее ладная фигурка, грудь под блузкой вздымается привлекательно, волосы черные, ниже пояса.

То есть были. Была фигурка, были волосы.

Бонд прожил в городе три дня. А затем сел на лошадь и уехал. Ночью. И забрал с собой Китти. Она оставила Картеру записку: мол, захотела уехать сама, не желаю прозябать в этой дыре, Джек увозит меня в город. Буду писать, все в порядке. Наивная глупышка.

Но вернусь к дилижансу. Он останавливается. Кучер сползает вниз. Это Дженги, молодой парень, решившийся на такую работу из-за неплохих, в общем, денег. Он приезжает всего в четвертый раз, но его уже любят. Он заботлив, письма раздает лично, всегда спрашивает, не надо ли кому что привезти из большого города, и ведь привозит. Но сегодня он мрачен.

– Привет, Дженги! – говорит Систей.

Систей – это начальник нашей полиции. То есть единственный носитель закона в городе. Он не именуется шерифом: шериф в пятистах милях. Систей – вроде местного представителя. Ему около пятидесяти, но он подтянут и силен. Только стреляет плоховато из-за зрения. Он справедлив. Когда у жителей возникают конфликты и ссоры, они идут к Систею, и он всегда находит верное решение.

– Привет.

Дженги, подбоченься, стоит у дилижанса.

– У меня тут невеселый груз.

Толпа обступает его.

В городе около двухсот жителей, даже больше. Для такой дыры – достаточно. Зато у нас есть море.

Дженги забирается на крышу дилижанса и аккуратно начинает спускать большой сверток из тряпья. Это человеческое тело, запеленатое в тряпки и простыни. Систей и Бык принимают груз. Бык – двухметрового роста, туповатый, но очень добрый и отзывчивый. Его все любят. Он всегда помогает с тяжелыми работами.

Тело кладут на землю. Систей разворачивает тряпки.

Это Джек Бонд. Его еще можно узнать, хотя лицо покрыто пятнами разложения. Старик Картер поднимает голову и смотрит на Дженги. Когда Дженги начинает спускать второе тело, старик Картер падает на колени и плачет.

Берта Хоспейна поначалу никто не замечает. Они разворачивают второй сверток, смотрят на обезображенное лицо Китти, переговариваются. Кто-то пытается успокоить Картера, гладит его по сутулым плечам. Дженги молча стоит у дилижанса.

Дверь кареты открывается, и выходит Берт Хоспейн. Я сразу его замечаю, потому что не хочу смотреть на трупы. Пока все рассматривают Китти, Берт идет по направлению к салуну, прочь от толпы. Собственно, тут большая часть жителей города. Но у Берта другие цели. Я провожаю его взглядом, он оборачивается и обращает на меня внимание. Подходит ко мне.

– Привет. Я – Берт Хоспейн.

– Билл.

– Очень приятно.

У него столичный выговор, здесь так не говорят.

– Сколько жителей в вашем городке? – спрашивает он.

– Человек двести.

Отец учил меня читать, писать и считать. Я могу сосчитать до тысячи, умею складывать и умножать. Делить, кстати, тоже. Большая часть городка – неграмотные. Иногда меня зовут на помощь, чтобы рассчитаться за что-нибудь.

– Двести первый не помешает?

Это шутка. Она сейчас неуместна, но он, видимо, не понимает ситуации. Его можно простить.

Он одет в серые брюки и сапоги с острыми носами. Пиджак – поверх клетчатой рубашки. Такое ощущение, будто он насмотрелся на ковбоев из родео (я видел родео дважды, когда мы ездили в большой город с отцом пару лет тому назад). Так ярко и вычурно тут не одеваются. Хотя черт его знает: может, в центре так принято. Это у нас, в глуши, одеты все непонятно во что, никто ни перед кем не выставляется. Хотя не думайте: мы тоже умеем принарядиться. На праздники всякие, на свадьбы.

– Не помешает, думаю. Хотя сейчас не время, – киваю на толпу и мертвецов.

– Это кто-то из жителей?

Он мгновенно мрачнеет.

Киваю.

– Дочь старика?

Снова киваю.

– Ну извини, не знал.

Пожимаю плечами. В общем, он ничего не сделал. Мне она, конечно, нравилась, как все девчонки нравятся парням в моем возрасте. Но в целом мне ее смерть безразлична. Все когда-нибудь скопытимся.

– Тут у кого остановиться можно? – спрашивает он.

Можно у Бака. Можно у Дылды. Можно у Роджерсов. В общем, много у кого можно.

– Вон, – показываю, – Роджерсы стоят. У них спросите.

– Спасибо.

Он идет к чете Роджерсов. Они благонравные, лет пятидесяти, спокойные. Они постоянно ждут писем от своих детей (все трое давно уехали покорять мир), порой их даже получают, но к дилижансу подходят последними, чтобы не усугублять толкотню. Они разговаривают.

На самом деле это довольно сложно – создавать видимость безразличия. Мне страшно интересно, что он за человек. Что ему понадобилось в нашей дыре. Как он будет тут жить и чем заниматься.

Старик Картер лежит лицом вниз и бьет кулаком по земле. Дженги достает письма и передачи. Жизнь идет своим чередом.

Джек Бонд за два дня своего пребывания в городе успел организовать местечковые соревнования по стрельбе. Мишень сколотили из досок, намалевав на них красный круг с белым пятном посередине. То есть сделали несколько таких мишеней, конечно. Одну-единственную пули расколошматили бы в минуту.

Бонд взялся быть судьей и обещал обучить стрельбе мальчишек. Он очень красиво доставал револьвер, крутил его на пальце, а потом стрелял от бедра, не целясь, и всегда попадал в белое пятно, пусть и не в самый его центр. Он сказал, что принимать участие в соревнованиях не будет, поскольку так нечестно.

Соревноваться пришли все, у кого было хоть какое-то оружие. Старик Картер принес огромное ружье, переделанное из охотничьего в боевое. Его засмеяли. Эта штукавина не имела даже прицела, а два ствола были такого калибра, что можно положить слона. Картер целился быстро. Он вскидывал ружье (и откуда только силы у старика?) и нажимал на спуск.

Картер не промахнулся ни разу. Его удивительная ручная мортира в умелых руках оказалась точнее новенького кольта Дылды (ему как раз привезли из большого города) и проверенного годами «смит-вессона» Систея.

Джек Бонд вручал Картеру приз (ящик пива от Бака и отличный нож от самого Бонда) с видимым уважением. Китти смотрела на отца и на Бонда с восторгом. Она уже знала, что завтра уезжает со своим героем. Но она мысленно клялась писать отцу, я уверен. Вряд ли она бросила бы его навсегда и никогда бы не вспоминала.

Каждый день я вижу Берта Хоспейна. Он хорошо вписался в городок. В какой-то мере он своим появлением облегчил старику Картеру утрату Китти. Каждый день они играют в карты на крыльце дома Роджерсов. Билл Роджерс иногда присоединяется к ним, но все-таки большую часть времени проводит на огороде.

В какой-то момент я иду мимо забора вдовы Бранк и вижу Берта, развешивающего белье. Я останавливаюсь и смотрю на него.

– Привет! – он широко улыбается.

– Привет. Это не мужская работа.

Берт качает головой.

– Нет работы, которая была бы «женской» или «мужской». Запомни это. Если мужчина способен помочь женщине развесить белье или вымыть посуду, он не перестает быть мужчиной. Зато он становится галантным и вежливым мужчиной.

– Да вдове Бранк ваша галантность уже ни к чему.

Ей, кажется, девяносто лет. Ее дочь умерла, но внуки поддерживают ее.

– Но помощь-то ей нужна. Она сама постирать любит, а вот повесить уже не может, потому что позвоночник старый. Мне-то помочь нетрудно.

Это эпизод, очень хорошо характеризующий Берта Хоспейна. Я постоянно замечаю его, помогающего тому или иному человеку. Вот он вырезает игрушечную лодку для сына Джета Филлза. У Филлза нет трех пальцев на правой руке, и он не может сделать сыну хорошую лодку. Вот Берт перекрывает крышу у Маргарет Бэнкс, и Маргарет, сорокалетняя старая дева, провожает его томными взглядами. Вот Берт первым встречает дилижанс Дженги и помогает выгружать посылки и письма. Вот он ведет лошадей в стойло, чистит их, кормит.

Через некоторое время Берт становится неотъемлемой частью городка. Это чувствуется. Будто Берт – это какой-то очень нужный и полезный инструмент, и совершенно непонятно, как мы раньше жили без него. Даже мой отец, человек принципиальный и живущий крайне обособленно, один раз позвал Берта на помощь, когда нужно было выкорчевать огромный пенёк на окраине нашего участка. Да, я забыл сказать: у отца ферма в двадцати минутах ходьбы от города. Он очень много работает, но меня привлекает крайне редко. Он

не хочет, чтобы я прожил жизнь на ферме; у него есть мечта отправить меня учиться в большой город.

Джека Бонда убили выстрелом в спину. Может, он и кичился своими достоинствами, преувеличивал их, но все же стрелять умел неплохо. Не думаю, что кто-то победил бы его в честном поединке, хотя в своей жизни я видел всего двух ганфайтеров. Я точно помню сцену, произошедшую на рынке в большом городе. Отец прикрыл меня собой, чтобы в меня не попала шальная пуля. Ганфайтеры стояли на расстоянии примерно пятидесяти футов друг от друга. У каждого было по два револьвера – тяжелых, длинноствольных «Дакоты», блестящих на солнце. Они смотрели один на другого, не отрывая глаз. Толпа ждала развязки. Конечно, за их спинами не было никого: ганфайтеры довольно часто промахиваются, ведь игра идет не на точность, а на скорость.

Первым выхватил револьвер латинос в драных кожаных штанах. Его пистолеты стояли больше всей его одежды, я думаю. Но он промахнулся. Второй доставал оружие не торопясь, вальяжно, будто издеваясь. Латинос уже четырежды нажал на спусковой крючок, когда первый и последний выстрел белого ударил его в живот. Он лежал на земле и стонал, а белый подошел (никто не решался сделать это раньше победителя) и забрал пистолеты соперника. И растворился в толпе.

Джек Бонд был именно из такой породы. Он доставал револьвер четко, легко, но как-то театрально, не торопясь, не дергаясь. Он был ганфайтером до мозга костей, мне кажется. Поэтому его нельзя было убить спереди. Поэтому дыра на уровне сердца в его кожаном жилете располагалась на спине.

А вот про Китти Картер доктор Джонсон ничего не сказал. Первым он осматривал Бонда и выдал заключение через пять минут. Чистое попадание, кольт 38-го калибра, насмерть. Чтобы рассказать про Китти, он позвал к себе троих: старика Картера, Систей и Бака. Бак всегда был очень надежным и логичным человеком, поэтому Систей часто привлекал его к решению мировых проблем.

Но был и четвертый слушатель: я.

– Я не знаю, как это описать, – сказал Джонсон.

– Как есть, – прохрипел Картер.

И Джонсон рассказал все как есть.

Китти Картер изнасиловали перед смертью. Она сопротивлялась, у нее были синяки на запястьях и на ногах, шишка на лбу. После изнасилования убийца задушил девушку. Но не это потрясло доктора. Изнасилования случались довольно часто в солдатской среде, где раньше работал Джонсон (до переезда в нашу глухомань он был военным медиком). Здесь же девушке надрезали вены и аккуратно сцедили кровь. Не всю: часть успела свернуться.

«Возможно, я ошибаюсь, – тихо сказал доктор. – Возможно, душили ее уже после того, как сцедили кровь. У меня нет инструментов и знаний, чтобы это определить».

Старик Картер поднялся с места и спросил: «Это Бонд?»

«Нет, – ответил доктор. – Точно не Бонд. Она умерла на несколько суток позже него».

Вот так все и было. Я не боялся. В отличие от взрослых я верю, что вампиры существуют. И мне казалось, что они в этом замешаны.

Я сижу на берегу озера. Мы называем его морем, потому что до настоящего моря нам никогда не добраться. То есть я, может, и доберусь, а вот большинство жителей городка – нет. Озеро довольно большое. Питьевую воду мы берем, конечно, из колодцев, но для стирки, например, проще пройти полчаса до озера. Оазис вокруг – небольшой, пара деревьев, и все. Остальное – выжженная прерия.

Я слышу шаги позади. Это Берт Хоспейн. Он, как всегда, улыбочив, в хорошем настроении. Он подходит, молча садится рядом. Протягивает мне тканевый мешочек. Это крекеры мадам Миллер. Она сама когда-то попросила называть ее не «миссис», а «мадам». Мы не возражали. Мне кажется, ей это идет. Только настоящая мадам может так жестоко держать своего муженька под каблуком.

Я зачерпываю крекеров.

– О чем думаешь?

– Ни о чем.

Это разговор взрослого с подростком: он не может быть естественным. Я не могу сказать, что меня тяготит общество Берта, но все же одному мне лучше.

– Какие добрые дела сегодня сделали, мистер Хоспейн? – спрашиваю я, потому что мне неловко сидеть в тишине.

Он усмехается.

– Стойку с Баком подремонтировали. Баннерсу револьвер починил, там курок заедал...

Я не даю ему договорить.

– Вы умеете чинить оружие?

– Я много чего умею. Работал как-то на оружейном заводе.

– А почему у вас нет пистолета?

– Мне не нужен пистолет. У меня нет врагов.

Мне кажется, что в его голосе проскальзывает печаль. Ему грустно от того, что у него нет врагов. Это как в старом анекдоте. Едут два всадника, вдруг мимо них что-то проносится с огромной скоростью. «Это кто?» – спрашивает один. «Неуловимый Джо», – отвечает второй. «А что, его никто не может поймать?» – «Да нет, просто никто его не ловит». Так и тут. Берта никто не ловит. Неуловимый Берт.

– А стрелять вы умеете?

– Немного.

– А вы можете меня научить? Отец отказывается. Он говорит, что я с пистолетом – это конец всему городу.

Берт смеется.

– Может, в какой-то мере он прав. Ну... – он демонстративно думает. – Наверное, я мог бы тебе помочь. Я одолжу револьвер у Баннерса, мы потренируемся немного.

Я знал, что он не откажет. Он и в самом деле никому ни в чем не отказывает, этот странный человек.

Джека Бонда похоронили на городском кладбище, будто он прожил тут всю жизнь. Старик Картер проникся к мертвому ганфайтеру каким-то отцовским чувством, потому что тот разделил судьбу его дочери. Тем не менее цветов на могилу Джека никто не принес, зато их принесли вдоволь на могилу Китти. Даже мой отец, человек строгий и занятой, бросил небольшой букетик, хотя я думал, что он вовсе не придет на похороны.

Берт тогда был совсем новым человеком в городе, но я заметил, что он долго стоял у могилы Китти – даже когда все разошлись. Но самым странным оказалось другое.

Я люблю засунуть нос не в свое дело, это факт. Таким образом я и подслушал монолог доктора на вскрытии Китти. Я просто спрятался наверху и приложил ухо к щели между досками.

Я заметил, что Берт иногда ходит на кладбище – по вечерам, в темноте, когда все уже сидят по домам или отдыхают в салуне. Он отправлялся на кладбище без фонаря, будто прекрасно видел ночью. И в один такой вечер я пошел за ним.

В целом по кладбищу несложно пробираться, особенно при яркой луне. Трава и четкие силуэты крестов, за которые можно ухватиться, если начнешь падать. Я шел тихо и осто-

рожно: фигура Берта маячила впереди. Он остановился. Я догадался, что это могила Китти. Я подобрался ближе и через некоторое время услышал плач. Берт сидел, обняв деревянный крест на могиле погибшей девушки, и рыдал. Послушав его рев еще несколько минут, я отправился домой.

«Быстрее!» – кричит во дворе Боб, парень с соседней фермы.

Я вылетаю из дома и бегу за ним. У него нет ни времени, ни желания объяснять, куда и зачем мы бежим. Я едва поспеваю. До города идти около двадцати минут, а бежать – вдвое меньше, зато тяжело. Впрочем, я выносливый.

Когда мы вбегаем в город, я сразу вижу: что-то не так.

Из переулка между домом Хиллари Спейн и конюшней (это общая конюшня для путников, которых тут почти не бывает, она выходит на главную улицу) столпотворение. Мы, мальчишки, легко пробираемся через толпу.

Первое, что я вижу, это широкая спина Систея. Он сидит на корточках и рассматривает то, что лежит на земле. Это тело. Белое, точно из него слили всю кровь. Я узнаю лицо: жена молочника, миссис Хайнс. Ей было около тридцати пяти, она уже начинала заметно полнеть. Но теперь ее тело выглядит худым, опавшим. Напротив меня – доктор Джонсон. Он едва заметно кивает шерифу, и тот накрывает тело простыней.

«Это он», – слышен хриплый мужской голос. Говорит старик Картер. Шериф свирепо смотрит на Картера, и тот все понимает.

Все эти детали подмечаю только я, потому что я, что называется, в курсе дела. Шериф прав. Не стоит людям знать о том, что среди них бродит вампир.

Неожиданная догадка проскальзывает в моем мозгу. Детали постепенно складываются в одно целое. Берт Хоспейн, появившийся одновременно с трупом девушки. Он же, рыдающий на ее могиле. Многого не хватает для полноты картины. Но, конечно, я не могу рассказать об этом даже Систею. Он попросту мне не поверит.

Когда мне было восемь лет, отец дал мне почитать книжку о вампирах. Это были рисованные истории в мягком переплете. Точно такие я уже читал – про Джесси Джеймса. В то время как мои сверстники восторгались героическими приключениями и ограблениями, совершенными легендарным бандитом, я листал книжку про вампиров и думал, каково это – никогда больше не увидеть рассвета, зато обрести вечную жизнь. Конечно, в том восторженном возрасте рассвет был гораздо притягательнее, чем любая вечность. Сама жизнь казалась вечностью.

Теперь, пять лет спустя, я несколько изменился. Я видел смерть своими глазами и стал понимать, что это – навсегда. Если человек уедет в большой город, или даже в другой штат, или в другую страну, он может еще вернуться. Вы можете встретиться с ним в каком-нибудь другом месте, например. Но если человек умирает, его не будет больше никогда. Совсем никогда. Мне нравилось смаковать это понятие. Я вертел его на языке, как леденец, и мне становилось действительно страшно, что я тоже когда-нибудь умру. Именно ради этого чувства дрожи во всем теле и чего-то тяжелого на душе я и думал о смерти. Впрочем, такая забава приелась со временем.

Гипотеза о том, что Берт Хоспейн – вампир, не годилась по многим причинам. Во-первых, он совершенно нормально относился к солнечному свету. Во-вторых, в салуне у Бака он ел запеканку с чесночным соусом, и ему не было плохо или больно. У него на пальце было небольшое колечко, по виду серебряное (хотя проверить это не представлялось возможности).

С другой стороны, все было слишком подозрительно.

И тогда я решился на шаг, на который никогда бы не решился взрослый.

Берт Хоспейн дома: его силуэт только что промелькнул в окне.

– Я к мистеру Хоспейну, – говорю я, и миссис Роджерс пропускает меня внутрь.

Я поднимаюсь на второй этаж и стучу в дверь.

С собой у меня – только моя собственная решимость и ничего более.

Берт открывает дверь. Он бледен. У него под глазами круги.

– Мистер Хоспейн, мне нужно с вами поговорить.

Мне кажется, он прекрасно все понимает. Но я не боюсь его. Потому что я уверен, что он не причинит мне вреда.

Я прохожу и сажусь на кушетку. Он стоит у окна спиной ко мне.

– Вы вампир, мистер Хоспейн?

Он молчит, глядя в окно. По сути, все уже понятно, осталось только выбрать правильную развязку.

Он оборачивается, и на его щеках я вижу потеки от слез. Он садится на стул тяжело, падает, точно мешок с мукой.

– Не бойся меня, – говорит он. – Я не причиню тебе зла. Я вообще никому не причиню зла. Я не хочу. Просто иногда он просыпается во мне. Раз в полгода примерно. Иногда – чуть чаще. В большом городе он проснулся в неудачный момент. Мне пришлось уехать. Я думал, что смогу его задушить. Но не получается.

Он говорит это монотонно, точно заученный текст.

– Кто?

– Я не знаю. Тот, кто заставляет меня делать это. Но я не могу жить без этого.

Я встаю.

– Уезжайте из города, мистер Хоспейн. Я никому не скажу. Вы хороший человек. Нам очень нужны такие люди. Но вам лучше уехать.

Он кивает.

Миссис Хайнс хоронили на закате. Хоспейн дольше всех стоял у ее могилы. Это было еще до нашего разговора.

Я уже тогда планировал этот диалог. Почему-то мне казалось, что я ничем не рискую. Когда дети ловят всяких злых и сказочных существ на темных чердаках и в заброшенных карьерах, они мечтают в первую очередь о сражении. Они мечтают уничтожить зло и принести его отрезанную голову на блюде в город, чтобы все знали об их героическом поступке.

Я ни в коем случае не хотел причинять зло Берту. Я как-то сразу понял, что он и тот, кто живет в нем, – это два разных существа. И Берт сражается с ним и старается заплатить людям вокруг него за причиненное зло. Я думал тогда, что Берт уедет из города, а я через много лет стану рассказывать внукам, что знал настоящего вампира и он был добрым.

Но все вышло иначе.

– Поймали! – орут на улице.

Мы с Бобом выскакиваем из дома как ошпаренные (мы читали новую книгу, которую тетушка Боба, жившая в большом городе, прислала с очередным дилижансом). Боб, конечно же, хочет посмотреть на преступника. Посмотреть, как того будут вешать, например, хотя кого поймали – пока непонятно. Я же – боюсь за Берта Хоспейна. Он должен был уехать вчера, но задержался, чтобы отремонтировать забор миссис Харгривз.

По улице идет толпа. Они ведут человека: он избит и грязен, и я узнаю в нем Дылду. Дылда живет в городе около двух лет, поэтому до сих пор считается человеком новым, пришлым. У него есть револьвер. Я не знаю его настоящего имени. Кличку Дылда ему дал старик Картер в первый же день после появления того в городе, и это словцо приклеилось насмерть.

Ноги Дылды волокутся по земле: он гораздо выше тянущих его людей.

Я хватаю за рукав Джонни Монка, своего сверстника, идущего вместе с толпой.

– Что тут?

– Убийцу поймали. Который молочницу убил. И Китти.

– А как догадались? – спрашиваю я.

– У него револьвер точно такой, из которого Бонда пристрелили. И вещицы Китти дома нашлись.

Дылда был влюблен в Китти. Этого почти никто не знает, но я уже говорил, что люблю засунуть нос не в свое дело. Я видел, как он тайком приносил ей подарки и оказывал мелкие знаки внимания. Она принимала их как должное, но близко не подпускала.

Это свидетельство против Дылды, на самом-то деле. Они скажут, что он убил ее из ревности. Дылда частенько уезжает из города на охоту, вряд ли у него есть алиби на то время.

Я бегу вместе с толпой.

У нас в городе есть несколько деревьев. Самое большое – на отшибе, минутах в десяти ходьбы от границы города. Я понимаю, что Дылду волокут туда.

Впереди широкими шагами идет Систей. Он возглавляет закон в городе, значит, он должен принять решение о казни убийцы. Собственно, оно уже принято.

Я оглядываюсь: Берта Хоспейна не видно. Может, он уже уехал?

Я не подумал о таком раскладе. Берт уезжает, а Систей находит ложного преступника. И погибает невинный человек. Но я не могу крикнуть, что все знаю. Потому что мне никто не поверит.

Дылду бросают под деревом. Он силится встать, но он избит, и это непросто. Его руки связаны за спиной. Кто-то подводит лошадь.

Суд очень скор. Пока Дылду сажают на лошадь, пока надевают ему на шею петлю, а другой конец веревки укрепляют на дереве, Систей оглашает приговор. Ветер дует в другую сторону, свистит, я не слышу половины слов.

– За убийство... Кэтрин Картер... супруга почтенного... Уиллис... – и еще какие-то слова.

Уиллис – это, наверное, фамилия Дылды. Ирония судьбы: узнать фамилию человека за несколько мгновений до его смерти.

Веревка натягивается, с секунды на секунду лошадь прищпорят.

Я думаю, что Берт Хоспейн хотел уйти картинно. Он не мог себе позволить просто исчезнуть. Подсознательно он хотел, чтобы все произошло так, как произошло.

Когда веревка натягивается, раздается выстрел. Все оборачиваются, и я тоже. Конец веревки болтается в воздухе. Дылда падает лицом вперед.

Берт Хоспейн сидит на лошади, и в руке у него – револьвер. Это кольт 38-го калибра. По бокам седла – сумки, на голове – широкополая шляпа. Лошадь – из конюшни Роджерсов. Вряд ли он украл ее. Скорее всего, они разрешили забрать животное за все хорошее, что он сделал для них и для города.

– Дылда никого не убивал, – говорит Берт Хоспейн.

Толпа начинает роптать, к Берту проталкивается Систей.

– А кто убил? – кричит он. – Кто?

Я смотрю на Хоспейна во все глаза. В какой-то момент я встречаюсь с ним взглядом.

– Я убил, – говорит Хоспейн и трогается с места.

Это красивая картина.

Он едет через толпу, молча, высокий, статный, в широкополой шляпе, с револьверами на поясе. Он едет медленно, и толпа расступается перед ним, перед этим хорошим челове-

ком, никогда ни в чем не отказывавшим, принесшим в город свет и доброту. Он едет через толпу, и все молчат и просто провожают его взглядами.

Так он и едет, и удаляется, и спина его становится меньше и меньше.

Так он и едет вплоть до тех пор, пока старик Картер не вскидывает свое древнее ружье и не всаживает ему в спину заряд свинца.

II. Призраки и опера. Этюды в сумрачных тонах

В поисках Анастасии (Мария Галина)

Казалось, поначалу ничто не предвещало. Анастасия, помаявшись в какой-то унылой конторе, уволилась и пошла работать в цветочный магазин на Музейной, тот, что напротив кондитерской. Сперва ее поставили в подсобке складывать букеты, и оказался у нее к этому какой-то необыкновенный талант. Правда, это она сама так говорила. Может, просто приглянулась управляющему. Там и помоложе девки были, но он вывел ее из тьмы подсобки на свет и поставил красоваться среди зеркал, пестрых цветочных горшков, букетов и одиночных мокрых длинных стеблей. Он не прогадал – от Анастасии редко кто уходил без покупки, и многие тратились гораздо щедрее, чем поначалу намеревались. Остальные девки уже начали поговаривать, что тут без какой-то хитрости не обходится. Возможно, они ее и сглазили, хотя лично Ивана в сглаз принципиально не верила. Однако что было, то было – после Рождества Анастасия изменилась. Накупила себе кучу модных тряпок, сапожки на высоком каблуке, шляпные картонки громоздились в коридоре одна на другой наподобие чуть накренившейся вавилонской башни... Ивана было отважилась сделать замечание, что, мол, в комнату все надо заносить, но та так зыркнула черными своими глазами, что все дальнейшее, что Ивана собиралась сказать, застряло в горле. Брови Анастасия в последнее время стала подправлять пинцетом и подкрашивать черным, веки подводила стрелками, и оттого взор ее сделался жгуч и свиреп.

Апофеозом стала шуба из куницы, легкая, с золотистым отливом, на которую Анастасия, по ее собственным хвастливо-сокрушенным признаниям, угрохала две получки. Ивана, склонная всему подыскивать разумное объяснение, решила, что Анастасия присмотрела себе кого-то, солидного и с деньгами, хочет произвести впечатление и расходов не жалеет в предположении обеспеченного будущего. И правда, кто-то у Анастасии завелся: на каждый телефонный звонок (как будто Иване никто и позвонить не мог, а только ей, ей, Анастасии, и звонили) она выбегала из комнаты в кружевной комбинации, кокетливо выглядывавшей из-под нового шелкового пеньюара, и почему-то в черных лодочках на каблуках, цокала по паркету, но в трубку говорила тихо, так тихо, что Ивана, как ни старалась, расслышать ничего не могла.

Из-за шубы и шляпных картонок в коридоре конфликт у них и вышел. Ивана было намекнула, что все вздорожало и плата, которую она берет с Анастасии за комнату, по нынешним временам несуразно маленькая, так что если уж Анастасия может позволить себе такую шубу, то... Да и беспорядок не каждая хозяйка терпеть будет, сказала Ивана, но та только пожала плечами, так, что одно – белое и круглое – выскользнуло наружу и блеснуло шелковой бретелькой комбинации. Бретелька была с бантиком.

– Выселить могу, – осторожно сказала Ивана.

– Только попробуй, старая ведьма, – равнодушно ответила Анастасия.

До сих пор Анастасия держала себя с Иваной скромно и даже заискивающе, потому что деваться ей было некуда. Ивана даже втайне льстила себе, что Анастасия питает к ней какую-то симпатию, родственную, что ли (хотя деньги каждый месяц у Анастасии брала и аккуратно притом пересчитывала), и потому опешила. Обиден был и сам ответ, и то, что Анастасия обозвала ее, Ивану, старой ведьмой. Что старой – обидно особенно. Ивана полагала, что не выглядит на свои, и оттого позволяла себе некоторую экстравагантность в одежде. Это ей не мешало обшивать своих клиенток со вкусом и умением, так что даже теперь, несмотря на

обилие модных лавок, к ней все еще обращались. Впрочем, не так часто, как раньше, потому и пустила к себе Анастасию.

Ивана дальше шуметь не стала, бочком убралась на кухню. Заступить на нее было некому, и это Ивана очень хорошо понимала. Сидя на кухне и печально прихлебывая кофе из фамильной чашки, она гадала, с кем это Анастасия спуталась.

Втайне, однако, Ивана Анастасии завидовала, наверное, потому и придралась к этим шляпным картонкам. На долю Ивана никаких приключений не выпало, что она предпочитала скрывать, слегка привирая для красоты о разбитом сердце и мимолетной загадочной любви.

Семья Ивана жила в этом доме уже несколько поколений (когда-то, давным-давно, они даже владели этим домом), да и сама Ивана когда-то ходила учиться рисованию к профессору рисунка и живописи (о чем не забывала время от времени напоминать Анастасии). А Анастасия была пришлая, об образовании своем говорила туманно, в прежней своей конторе работала чуть ли не уборщицей, хотя врала, что секретаршей, и здарсьте вам... Шуба и телефонный ухажер! Почему это у таких лживых, хитрых особ всегда в конце концов все устраивается, вздыхала про себя Ивана, а недурные собой, культурные и скромные женщины коротают век в одиночестве.

А все ж шубу и тряпки Анастасия покупала за свои деньги, ухажер-то скуповат, утешала себя Ивана. Невольно он рисовался Иване в воображении – массивным и властным, непременно черноволосым, с пухлыми белыми руками, и Анастасия рисовалась ей в объятиях этих рук, и разные другие картины рисовались, весьма неприличные, тогда Ивана вздрагивала и краснела от неловкости, хотя за собственное воображение человек не отвечает.

Так, в ссорах и страстях, колесо года незаметно повернулось вокруг своей оси, в тучах расплзлись голубые прорехи, тем ярче, что тучи сделались серыми, плотными, словно слежавшийся войлок. Из подвалов потянуло сыростью, из подворотен – кошками, в стыках брусчатки стояли лужицы, и в них голубело все то же свежее промытое небо. Анастасия свою шубу теперь носила нараспашку, так, чтобы было видно ложбинку между грудями в декольте отрезного шелкового платья, и каждое утро втискивала полные икры в сапоги с узкими голенищами, морщась и обеими руками затягивая шнуровку. Ивана лицемерно посоветовала перейти на войлочные боты с калошами (грязно ведь!), но та вновь лишь зыркнула глазом – и все. Даже не ответила. Впрочем, Анастасия как была прижимистая, так и осталась, старое черное пальто, драповое, выбрасывать не стала и даже порой выгуливала, уходя вечерами по своим загадочным делам. В этом-то пальто она и ушла в ночь с субботы на воскресенье. И не вернулась.

В среду Ивана надела единственное свое (не то что у некоторых!) серое пальто с розовой кружевной лентой, в несколько полосок охватывающей рукав, так что получались как бы буфы, укрепила при помощи булавки с розовой стеклянной головкой серую фетровую шляпку (на ней красовался розовый же цветок), дополнила ансамбль розовым газовым шарфом, застегнула на сухих щиколотках ботиночки с застежкой-пряжкой и отправилась в цветочный магазин.

Девушка у стойки, ловко и сердито завязывая сложный букет ленточкой, сначала улыбнулась Иване, полагая в ней покупательницу, но потом сухо сказала, что Анастасия с понедельника на работе не появлялась, ни о чем никого не предупредила, в том числе и управляющего, и что с управляющим сейчас лучше не разговаривать, потому что он ходит на всех злой.

Ну да, сюда часто заглядывают приличные мужчины, но ведь если мужчина покупает букет, это значит, что ему есть кому этот букет дарить, нет? А вообще Анастасия умеет их раскручивать, придет такой покупать три хризантемы, а она ему – язык цветов, язык цветов, возьмите эту мальву, это означает «истерзан любовью», и вот эту каллу – «склоняю колени

перед вашей красотой», и вот этот бальзамин – это значит «нетерпение», ваша дама не устоит перед таким признанием... глядишь, уходит с огромным букетом, и все разные, и сам не понимает, как это получилось. А она стоит, хихикает. Язык цветов, говорит, великая вещь.

Да, несколько раз ей звонили на телефон, вон тот, на конторке, но давно, потому что управляющий услышал и запретил. Ревновал? Хм... скорее просто злился, это приличное место, а не дом свиданий. А что, она дома так и не появлялась? Может, уехала к этому, своему? Ладислав, что ли. Один раз она, Анастасия, так и сказала в телефон: «Это ты, Ладислав?» А потом шепотом что-то, и не расслышишь...

– Куда уехала? – беспомощно спросила Ивана. – Он что, не местный?

Ивана прожила в одном и том же доме всю свою жизнь, и ей казалось, что других городов и вовсе нет. Но другие города, несомненно, были. Приезжают же откуда-то туристы.

– Откуда я знаю, – девушка отряхнула с мокрых стеблей крупные капли воды. – Может, приезжал по делам... или на отдых... Сюда не заходил, нет. Но пару раз заезжал за ней, в красном таком автомобиле, шикарном... За углом ставил, вон там... А может, не он. Может, это кто другой был.

За окном-витриной потемнело, туча, проходя, бросила на мощеную улицу снежный заряд, унеслась за дальние горы...

А здесь цветы сияли, точно шелк, и бархат, и парча, и пахло гораздо тоньше, чем даже, скажем, в парфюмерном магазине, и зеленело все, словно ты летом стоишь посреди залитой солнцем поляны... Вот же повезло, кто среди такой красоты работает, подумала Ивана, но тут поймала раздраженный взгляд девушки за прилавком – та ждала, что Ивана наконец уйдет и освободит место, а придет кто-то солидный и щедрый, в габардиновом пальто, и купит букет, а потом зайдет еще раз, а потом – еще... Наверное, красота быстро приедается, и ее просто перестаешь замечать. Тем более цветы тут все время умирают, их же не удастся все сразу продать так, чтобы они умирали не здесь, а в чужих домах.

Неожиданно для себя Ивана выбрала три крупные чайные розы и, пока девушка заворачивала их в нежную гофрированную бумагу, чтобы не замерзли на холоде внешнего мира, недоумевала, зачем она это сделала. Вообще-то Ивана цветы любила, но дома не держала, ни срезанные, ни в горшках. Уж не потому ли, что в трудные времена мать вертела такие цветы из раскрашенной папиросной бумаги, украшая ими фетровые шляпки для шляпной мастерской мадам Поплавской? Ивана помогала ей мастерить цветы (мать делала еще и ягоды из папье-маше) и сейчас вдруг остро почувствовала под пальцами хрупкие бумажные лепестки. Они и пахли розой – мать капала на крашеную бумагу розовое масло, чтобы запах нечувствительно проникал в сознание примеряющих шляпки женщин, побуждая их к покупке.

Так, неловко прижимая к груди чайные розы, Ивана пошла в кондитерскую, где утешилась крохотной чашечкой кофе и огромным эклером. Домой идти не хотелось. Анастасия была шумной, пускала в кухне воду и ленилась плотно прикрутить кран, один раз оставила выкипать чайник на плите, пока болтала по телефону с этим своим Ладиславом, и всяко раздражала Ивану, теперь же дома было тихо, чисто и пусто, казалось – делай что хочешь, но Ивана, вообще-то чистюля, даже убираться себя заставляла с трудом.

– Ты ж сама говорила, хоть бы она съехала!

Каролина тоже была не замужем, но жила со старой мамой, неизвестно еще, что хуже. Мама скучала, допекала Каролину всякими мелкими придирками, и когда Ивана жаловалась Каролине на жилищку, та ответно жаловалась на маму Иване.

– Она, когда я ухожу, напяливает кружевной пеньюар, скачет к телефону и вызывает «скорую». Потом отворяет дверь настежь, ложится на тахту и лежит, ждет. Скорая приезжает, она слышит, сразу начинает стонать. Врач спрашивает – на что жалуетесь, больная? Она – ох, вот тут болит. Вот здесь – дайте вашу руку, доктор... Хватает его за руку и его руку – себе на грудь! Под пеньюаром у нее ничего, понятное дело. Они уже знают, и если вызов

от нас, посылают врачей. Если врачаха, она говорит – уже прошло. Был, мол, приступ, так схватило, так схватило, но уже прошло.

Ивана худая и чернявая, а Каролина полненькая и чернявая. Это потому, что она много ест мучного и сладкого. Хотя вот Ивана последнее время тоже ест много мучного и сладкого – и ничего.

– Я чего боюсь? Она вот так двери нараспашку оставляет, кто угодно войти ведь может. И что она тогда, будет на грабителей клюкой своей махать? Да они ее как муху прихлопнут. Как муху!

– Я бы поставила на твою маму, – Ивана облизала ложечку, – она любого грабителя укокошит. Я ж помню, как она этой своей палкой пана Валека отделила.

– Он с тех пор к нам ни ногой, – печально согласилась Каролина. – А ведь жениться думал. Цветы дарил. А она говорит, жулик, на приданое зубы точит. А какое у нас приданое – две серебряные ложки?

– Я слыхала, он за растрату сел, – задумчиво говорит Ивана.

– Ну и что? – глаза у Каролины наполняются слезами, – ну и что? Я бы почтенная женщина была, замужняя, передачи бы ему носила. А вышел бы, мы бы с ним вместе начали новую жизнь.

– Я к тому, что, может, ему и правда деньги были нужны... А цветы... что цветы, на них не разоришься.

– Охапками. Принесет, бросит на пол, под ноги прямо. Говорит – такие ножки должны ступать по розовым лепесткам, не иначе...

Из окна кондитерской было видно, как в окне второго этажа напротив женщина, перегнувшись через подоконник, зовет кого-то, открывая рот беззвучно, словно под водой или во сне.

– У него шури́н в похоронной конторе работает, – невпопад говорит Каролина, – я уже потом узнала. Ладно, чего там!

Она взглянула на крохотные дамские часики – золотые ушки в форме сердечек, золотой браслетик. На пухлом запястье браслетик сходил с трудом, отчего на коже образовывалась складочка, точно у младенца.

– Маме лекарства пора принимать, – она вскочила и засобиравалась, втискивая полные локти в рукава каракулевого полушубка, – а если я не напомним, она забудет... или перепутает. Она один раз перепутала и вместо того, чтобы от поноса, приняла от запора. А у нее и так...

– Давай-давай, – Ивана с тоской посмотрела на остаток эклера и подумала, не взять ли еще один, – беги.

Каролина и ее мама образовывали пару, где каждая была сразу как бы и матерью, и ребенком; жизнь, таким образом, казалась наполненной и сбалансированной со всех сторон... А у Иваны все ушли рано, и, пока не вселилась Анастасия, ей то и дело чудилось, что паркетные доски в гостиной поскрипывают под чьими-то шагами и она, войдя, заста́нет маму, разыскивающую вязанье, или папу, разыскивающего очки. Порой папины очки и впрямь ни с того ни с сего оказывались на крышке пианино, на которую Ивана когда-то давным-давно положила кружевную, крючком вывязанную мамину салфеточку, как бы обозначая, что с музыкой покончено. С тех пор она крышку не поднимала.

Когда Анастасия въехала, шаги прекратились. А если что-то и оказывалось не на своем месте, то понятно было, что виновата в этом Анастасия, она вечно все бросала как попало.

А сейчас она вновь стала вслушиваться в тишину пустого дома, да так напряженно, что вздрагивала от любого случайного звука. А уж когда за углом звенел трамвай, то вообще подпрыгивала.

Стемнело как-то сразу и вдруг, фонари расплывались мокрыми пятнами, с крыши сорвался пласт снега и шлепнулся под ноги Иване, женщина из окна напротив захлопнула створку и зажгла свет – с улицы были видны ее голова и плечи; обернувшись к невидимому собеседнику, она что-то рассказывала, увлеченно жестикулируя. Ивану охватила тоска, как всегда при виде чужой жизни в окнах; с улицы казалось, что эта жизнь совсем иная, чем у нее, наполненная радостью, теплом и светом.

Ей хотелось очутиться дома, в тепле и уюте, и одновременно пустой дом страшил ее, мыслился какой-то другой, с кучей веселой родни, и чтобы все любили Ивану и радовались, что она наконец вернулась.

Чайные розы в руках вздрагивали и прижимались к груди Иваны.

В парадной перегорела лампочка, но Ивана знала тут все до щербинки на мраморных ступенях, до царапины на перилах. Ивана могла бы тут пройти с закрытыми глазами и ни разу не споткнуться, к тому же свет фонаря с улицы ложился квадратом на мозаичный пол, аккуратно на вензель, который на самом деле был ее, Иваны, фамильным вензелем. Замочную скважину она тоже нашла ощупью, с первой попытки, только пришлось переложить розы из правой руки в левую, и они, неловко взятые, кололись сквозь перчатку. В коридоре пахло мастикой, а зеркало плавало смутным пятном, светясь словно бы своим собственным, почти невидимым глазу светом.

Ивана привычным жестом нащупала выключатель, и зеркало из призрачного озерца света превратилось в плоское отражение коридора: обои в мелких букетиках, как бы вываливающихся из завитых рожков, Ивана клеила еще с мамой, то есть давно, плоский шкаф в прихожую она ставила, уже когда жила одна. Обувь Иваны аккуратно стояла на галошнице, а туфли-лодочки Анастасии, в которых она и дома ходила, дуреха, валялись в углу прихожей, один – на боку, другой, как заснувший солдатик на часах, – чуть покосившись.

Ивану зеркало тоже отразило – черноволосую, остроносую, в серой шляпке чуть набекрень, в руках – желтые цветы. Зеркало было старым, и потому изображение покрывала патина, отчего Ивана себе нравилась, а в других зеркалах – не очень.

Не снимая пальто, что вообще-то было ей несвойственно, она прошла в гостиную и начала устраивать желтые свои розы в синюю с белым хрустальную вазу. Ей казалось, что розам без воды плохо и они показывают это, как умеют. Хотя жить беднякам все равно оставалось недолго. С другой стороны, чего их жалеть, одернула она себя, розовые кусты всегда обрезают... Но на всякий случай щедро накидала в воду аспирин.

Спустя какое-то время она поймала себя на том, что так и стоит, склонив голову чуть набок, и смотрит на цветы. Правый рукав серого пальто намок и потемнел, потому что попал нечаянно под струю из-под крана, когда Ивана наливала воду, запястью было холодно и неуютно. Она стащила пальто и, опять же против обыкновения, оставила его беспомощно висеть на гнутой спинке стула. Усевшись на тот же стул, морщась от усилия, стащила с ног узкие высокие ботинки и, расправив ступни, пошевелила пальцами – в молодости у нее была чудесная узкая нога, и Ивана упорно не хотела признавать, что сейчас ей требуется обувь на размер больше.

Переоделась в домашнее платье, решительно затянула пояс и открыла дверь в комнату жилички.

У Иваны все всегда стояло, лежало и висело на своих местах, узкая жесткая кровать (мама, пока была жива, считала, что девушкам на мягком спать вредно, а когда умерла, уже ни о чем больше таком не говорила, но Ивана все равно продолжала спать на жестком) уже тридцать лет как убиралась одинаково – посредством тканого покрывала в зеленых и желтых квадратах. А Анастасия даже посуду не мыла сразу, а оставляла горкой в раковине, подумав только! А ведь понятно, что потом снизу, с исподу, тарелки и чашки делаются липкими и серыми, и отмывать их долго и трудно.

И в комнате Анастасии творилось совершенно непотребное: платье комом на кресле, чулки – на столе, пояс с кружевными черными оторочками и черными резинками – на полу, кровать разобрана, постель – смята, на наволочке – разноцветные пятна, поскольку Анастасия забывала смывать на ночь тушь с ресниц, тон со щек и помаду с губ. Трусички – тоже черные и кружевные – лежали почему-то под подушкой. Еще везде валялись ватки с остатками косметики и смытого с ногтей лака. Ивана, которая косметикой почти и не пользовалась – так, немножко пудры на нос и немножко духов за ухо, – брезгливо морщилась и думала, что надо пойти за веником.

Потом она увидела шубу. Шуба висела в простенке за дверью, мех в свете одинокой лампочки под апельсиновым бахромчатым абажуром лоснился и отливал розовым. Очень красивая шуба, у нее, Ивана, никогда такой не было, потому что еще мама Ивана говорила, что шубы, если это только не каракуль, обычно носят не слишком порядочные женщины. Ивана ей и поверила, как верила почти во всем, и лишь теперь у нее вдруг закралось подозрение, что мама просто выдавала бедность за доблесть.

Ивана тихонько погладила шубу рукой. Мех был теплым на ощупь. Выходило так, что Анастасия ушла, оставив вот так свою новую, прекрасную шубу, которой хвасталась перед всеми. Воровато оглянувшись, хотя в комнате никого не могло быть, Ивана обшарила карманы Анастасиной шубы, но ничего, кроме мятого носового платка и скомканной пары тонких кожаных перчаток, не обнаружила. Были и еще странности – например, косметичка, которая сейчас валялась на боку, вывернутая, и из нее высыпались цилиндрики помады и туши для ресниц.

* * *

– Сколько, вы говорите, ей лет?

– Откуда я знаю? Лет тридцать, я думаю. Может, старше... Теперь и не поймешь. Уж не моложе, точно. Она кремом для лица пользовалась, на этикетке написано «для особ после тридцати»... Недешевый крем, между прочим. Вся косметика у нее дорогая, у Анастасии.

– У нее наверняка роман с кем-то был. Нет?

– Ну был вроде, – неохотно соглашается Ивана.

– Так что вы нервничаете? Идите домой...

Дежурный и сам хочет домой, он дежурил в участке ночь, и сейчас у него конец смены. Ивана его раздражает.

– Не пойду. – Ивана садится на скрипучий стул в приемной и аккуратно водружает сумочку на колени, словно ставит точку.

Дежурный вздыхает. Ему хочется выставить Ивану силой, а может, даже придушить... Только чтобы никто не видел и никто не заявлял потом в полицию.

– Послушайте, но молодая женщина имеет полное право ночевать где хочет. Мы возьмем заявление, а потом она отыщется в отеле «Корона» вместе с каким-нибудь семейным солидным человеком... Подумайте сами, как это отразится на его репутации.

– При чем тут он? Вы его только что выдумали. Я о ней беспокоюсь. Об Анастасии.

– Что тут происходит, сержант?

Этот, новый, совсем молодой, и не в форме, а в пиджаке и галстук, и галстук повязан чуточку криво, неумело, так что Ивана почему-то думает, что он недавно женился и молодая жена так, повязывая ему каждое утро галстук, старается выразить свою любовь, а он стесняется ей сказать, что узел она правильно завязывать не умеет. Это значит, любят друг друга, думает Ивана. По крайней мере пока...

– Вот, – сержант сокрушенно качает головой, жалуясь на Иванину несознательность, – и уходить не хочет.

– Человек пропал, – говорит Ивана, обращаясь уже к молодому, поскольку быстро понимает, что он, хотя и молодой, выше чином... – Женщина. Молодая женщина. А этот ваш говорит – обычное дело... У вас что, часто тут женщины пропадают?

А вдруг, думает она, я зря подняла весь этот шум? И Анастасия и правда занимается любовными играми с этим Ладиславом в отеле «Корона». С нее, с Анастасии, станется. Ну и душой же тогда Ивана себя выставила!

– Ну, возьмите у нее заявление, Пантоха.

– Он его положит под сукно, – говорит Ивана, – я знаю... Я только вам. Не доверяю я ему, вон у него целая пачка бумажек, а он сидит, чай пьет...

– Хорошо, – тот, что в галстук, покорно вздыхает, – то есть ничего хорошего. Идемте.

В кабинете у молодого человека в галстук еще больший разор и еще большая гора бумажек на столе. И тоже чашка, только с недопитым кофе. Но отступать уже некуда. Ивана садится на стул так прочно, что становится понятно, что уйдет она отсюда только по своей воле.

– Почему вы думаете, что она пропала? Не, ну, загуляла с кем-то...

Он тоже был терпеливым и вежливым, но за его вежливостью ясно читалось, что Ивана для него была не отдельным человеком со всеми обстоятельствами и жизненными подробностями, а просто одинокой старой девой, сующей нос не в свои дела.

– Потому что, если женщина задумала начать новую жизнь, она может все забыть, но не шубу и уж тем более не косметичку, – поясняет Ивана.

– Это сомнительный аргумент. Кем вы ей приходитеесь?

– Она у меня комнату снимала, – сказала Ивана с достоинством и переложила перчатки из правой руки в левую.

– Жиличка? Никто фактически. – Он кивнул сам себе, потому что окончательно решил, что Ивана – занудное, суетливое существо, а он как раз собрался попить кофе, и в коробке для завтрака у него лежат бутерброды с холодной курицей и салатом, жена специально встала пораньше, чтобы сбежать в лавку и купить свежий салат...

– Зря беспокоитесь. Если она даже уехала с кем-то, то потом приедет, заберет все. И вещи. И шубу. И косметичку.

– Как можно устраивать личную жизнь без косметички? – удивилась Ивана. – Так не бывает. Вы, простите, женаты?

– Ну, – согласился он и подумал о бутерброде с курицей.

– И когда ваша жена, извините, перестала краситься с утра пораньше?

Он задумался. Как-то не отдавал себе отчета, но его жена перестала краситься с утра пораньше сразу, как только вышла замуж. Поначалу утреннее лицо жены даже казалось ему почти чужим, как бы голым, неприличным. Потом привык как-то.

– Вот именно, – сказала Ивана.

– То есть?

– То есть женщины если и перестают краситься, то после свадьбы. А если бы Анастасия вышла замуж, я вас уверяю, об этом бы знал весь цветочный магазин. И, соответственно, кондитерская. И кофейня. И парикмахерская. И я бы знала. Уж она бы не постеснялась тыкать своим обручальным кольцом в глаза при каждом удобном случае.

И обручальное кольцо у Анастасии наверняка было бы в бриллиантах, подумала она. В маленьких таких бриллиантиках. Или не маленьких...

– Когда, вы говорите, она пропала? – Он, видимо, решил, что аргумент убедительный.

– В субботу вечером, – Ивана кивнула сама себе, словно подтверждая, – ушла и не вернулась. И не позвонила, ничего.

Анастасия так и не заплатила за последний месяц, но этого Ивана не сказала молодому полицейскому. Ладно уж.

– Может, к родным поехала? Где родня у нее, не знаете?

– Нет, откуда ж... Она то ли из Бреховичей, то ли из Гробовичей. Кто ж в таком сознается. Горожанку из себя строила, а на самом деле... Хорошее воспитание всегда видно, если оно есть, конечно.

– А вы ее вообще откуда знаете?

– А она до меня снимала у Полторацкой, но Полторацкая приревновала ее к сыну. То есть, я хочу сказать... Началось у них что-то там с сыном, и Полторацкая ее быстро выставила. А у меня как раз... временные затруднения.

– Временные затруднения. Ясно. У нас Вермеера украли, весь город на ушах стоит, а вы тут со своей жиличкой, – сказал он укоризненно. – Ну почему вы думаете, что с ней что-то случилось? У нее были недоброжелатели?

– Еще бы. Девки из цветочной лавки. Она управляющим крутила как хотела, они и завидовали. Потом, опять же, эта шуба. И еще кто-то в красной машине.

– Вы, насколько я понял, одна живете? Семьи нет?

– А, ну да. Меня, конечно, нельзя сбрасывать со счетов. Зависть – страшная штука. Но вот, скажем, сын Полторацкой. У них что-то было, а потом нате вам, красный автомобиль! Ревность – тоже страшная штука. Зеленоглазое чудовище.

– Что? – он вздрогнул и опасливо отодвинулся от стола. Может, подумал, что она, Ивана, сейчас на него бросится?

– Шекспир, – успокоила Ивана, – Много шума из ничего. Потом, собственно, сам этот Ладислав. Никто о нем ничего не знает. Красная машина. И все. И главное, он ничего ей не покупал. Понимаете?

– Нет.

– Я тоже не понимаю. Но – странно, согласитесь. Если он ее замуж звал, ну ладно, не замуж... если она к нему на содержание пошла, почему она сама себе шубу купила, в долги влезла? Мужчина, который из всех возможных автомобилей выбирает красный, должен быть склонен к широким жестам.

– Вы вообще что читаете? – спросил он с усталой покорностью. – Агату Кристи?

– Ага, – согласилась Ивана. – Вот, мисс Марпл, скажем. Все ее уважают, а она ведь, в сущности, просто старая сплетница. Но живет полноценной жизнью в этой своей дыре... Хотя есть, конечно, натяжка – вокруг нее все время что-нибудь увлекательное случается. То одного убьют, то другого. В жизни так не бывает. Хотя вот надо же... А вот иронические детективы не люблю, нет. Не понимаю, чего тут смешного, в убийстве.

Она покачала головой и опять нахмурилась.

– Ладно уж, – он понял, что от Ивана проще всего отделаться, если пойти ей навстречу, – пишите заявление. Разберемся.

– Вот и разбирайтесь. – И Ивана написала на чистом листе бумаги своим аккуратным бисерным почерком, что она, Ивана такая-то, такого-то года рождения (последнее – с большой неохотой), проживающая по такому-то адресу (улица Аптекарская, 5, на самом деле), просит расследовать исчезновение своей жилички, Анастасии такой-то, вышедшей из дома в сырой сиреневый предвесенний вечер и никогда больше не возвратившейся домой. Число, месяц, подпись.

– Ну-ну, – он мельком проглядел бумагу и положил ее в папку.

– Будете расследовать? – настырно спросила Ивана.

– Ну... – опять сказал он и задумался. Поглядел на Ивану, и Иване стало неловко, потому что он уже знал ее, Ивану, год рождения. Возраст – как неприличная болезнь, подумала она. Стараешься его скрыть, стараешься, а он вылезает при всяких неудобных обстоятельствах. – А вы о последствиях подумали? Потому что если найдут неопознанный... ну, тело, в общем... опознавать ведь придется. А весной неопознанных много. Снег сходит.

– Вот уж спасибо. – Ивана встала, и перчатки, которые она забыла на коленях, упали на пол возле стула, и ей пришлось нагнуться, чтобы их подобрать. – Вот порадовали.

– Хотите забрать заявление? – с надеждой спросил он.

Это он мне мстит за то, что я ему кофе попить спокойно не даю, подумала Ивана.

– Нет, – сказала она, сжала перчатки в руке и выпрямилась, – пускай побудет. А опознавать, что ж... ладно уж.

– Что ж, пани, – он приоткрыл папку и заглянул в заявление, – Ивана. Спасибо за бдительность. Ну, вообще спасибо. Я вас извещу, если что.

Ивана с достоинством кивнула, аккуратно натянула перчатки, так, чтобы каждый палец без морщин и складочек, и удалилась.

* * *

Весна проявляла себя робко, но толстый голубь, выпятив грудь, уже ходил вокруг своей подруги. Ивана поглядела на него мрачно – вообще-то она птицам, скорее, благоволила и даже щедро сыпала им крошки после особенно сильных снегопадов, но сейчас ей вдруг ни с того ни с сего захотелось обрызгать голубя водой из лужи, чтобы не ворковал так громко. Но постеснялась прохожих, к тому же было жалко начищенных ботиночек. Впрочем, голубь и так был мокрый, и перья его торчали во все стороны.

На углу Парковой и Променада поставили новую статую – в последнее время городской совет увлекся малой пластикой, – этой еще не досталось от голубей, как той бронзовой торговке семечками у рынка... Сияющая чистой бронзой, в шляпке, пушной и пышной накидке, чей бронзовый мех лежал волосок к волоску, и с бронзовым, тонкой работы, букетом в руках...

Наверное, из-за букета да еще из-за этого мехового бронзового жакетика Ивана с навязчивой, хотя и невнятной тревогой опять подумала об Анастасии... Шуба, надо же. У нее, у Иваны, никогда не будет такой шубы.

Чтобы отвлечься, она остановилась у витрины галантерейного магазина и, оглядев себя в стекле, поправила шляпку, потом вспомнила, как презрительно глядел на нее дежурный в участке, и опять расстроилась. К тому же пан Йонас словно нарочно выставил в окне швейную машинку с ножным приводом – черную, с золотыми сфинксами и вензелями, с чугунной, тоже черной, в завитках и финтифлюшках станиной – и посадил за нее манекен, вернее, восковую персону, и эта персона, одетая в старомодную, белую с воротником-стойкой блузку и длинную черную юбку, отчетливо напоминала саму Ивану.

Ивана, однако, восковую персону решила игнорировать, аккуратно вытерла ноги о коврик у входа и, немного поразмыслив, попросила у пана Йонаса полтора метра вон того кружева цвета топленого молока, а заодно – корсажную ленту, поскольку запасы ее уже подошли к концу.

– Говорят, жиличка ваша пропала?

Йонас ловко орудовал метром и одновременно разговаривал. Ивана вздохнула.

– Все знают. Только в полиции ничего не знают. И знать не хотят.

– А вы что, в полицию обращались? – неприятно удивился пан Йонас.

– Обращалась. Не люблю, когда люди пропадают ни с того ни с сего.

– И что, будут искать?

– Будут, – уверенно сказала Ивана, – этот молодой человек из полиции был со мной очень мил. Очень.

– Приятно слышать. А то сейчас такая неделикатная молодежь пошла, никакого уважения к старшим. (Ивана мысленно поморщилась: сегодня словно все как сговорились.) Но

это вы зря, что обратились. Только лишние хлопоты. Она, наверное, сбежала с тем, в красном авто. Я как-то видел, оно стояло у цветочного магазина, это авто. И он сидел, ее ждал.

– Она шубу оставила, – практично сказала Ивана, – из куницы. Хорошая шуба. Ушла в старом пальто, а она это пальто терпеть не могла, я знаю. В краску где-то выпачкала, так даже выводить не стала.

– Ну и что, что шуба? Он ей новую подарит. Две новых. Одну – леопардовую, другую... – он задумался, – ну, чернобурку, может... Или норку. Леопардовую такую, светлую, песочного цвета, и пятна темные. Прямую, маленькую. Пуговицы должны быть как пятна на шкуре, того же размера и цвета. Вот эти, например. Вот, поглядите. Как раз под цвет пятен. И размер...

– Я не собираюсь шить леопардовую шубу, – сухо сказала Ивана.

– А жаль. Кстати, у вас ведь теперь с доходами трудности? Раз жилищка съехала.

– Она не съехала, – терпеливо повторила Ивана, – Она пропала.

– Ну-ну, как угодно госпоже. Так я подумал, может, вам приработок требуется? А то есть один заказ.

– Да? – осторожно спросила Ивана.

Йонас иногда подкидывал ей клиенток, правда, все реже и реже. Кому теперь нужны портнихи, даже хорошие?

– Молодой Янек, ну, сын пана адвоката, свое дело решил завести. Кофейню открывает. В старинном духе. И ему нужен кто-то, кто бы форму для официанток...

И, наткнувшись на жесткий, холодный взгляд Ивана – поднятые брови, поджатые губы, – торопливо добавил:

– Ему же не просто так. Ему требуется, чтобы с фантазией. Идеи у него.

– Ну ладно, – смягчилась Ивана. – Может, и загляну. А вы его, кстати, не разглядели, пан Йонас? Ну того, в красном авто.

– Нет, – галантерейщик покачал головой, – там стекло было такое. Затемненное.

– Откуда же вы знаете, что там был мужчина? И что он именно ее, Анастасию, ждал?

– Потому что я видел, как она в это авто садилась, – сказал пан Йонас. – Он со своего сиденья потянулся и распахнул ей дверцу. Мужская рука. Пиджак, манжета. Запонки. Яшмовые. И она села, ну буквально как у себя дома. Нагло так села.

– Это она может, – согласилась Ивана.

– Наглые везде как дома, – польстил ей пан Йонас, – и ведь ни стиля, ни вкуса! Дешевый шик, и ничего больше. А воспитанные, с чуткой душой, так и остаются одинокими.

– Это потому, что совершенство трудно переносить рядом с собой, – парировала Ивана. – Так где этот ваш... который кофейню?

– Да тут, на углу, в подвале. Вам будет интересно, дорогая госпожа, у него сложный заказ... Особые запросы...

– Ладно вам, пан Йонас. Это у молодого Поплавского особые запросы. Не люблю людям кости перемывать, но это всем известно, после той истории с учительницей музыки.

Ивана достала из сумочки потертый кожаный кошелек, из кошелька деньги и уже собралась расплатиться, как тяжелая дверь с медной ручкой неделикатно распахнулась настежь, и толпа туристов во главе с гидом ввалилась, галдя, внутрь, оставляя на мраморном полу мокрые следы.

– Итак, вы находитесь в одной из старейших лавок нашего города.

Гид вырядился в котелок, клетчатый пиджак и помахивал тросточкой – по слухам, так ходили местные фланеры, хотя сама Ивана, честно говоря, фланера, выраженного на такой шутовской манер, ни разу в своей жизни не видела.

– Этот галантерейный магазин был открыт венским предпринимателем фон Зольцем в одна тысяча семьсот пятьдесят восьмом году. Фон Зольц выписывал кружева из Тосканы

и Гента, а бархатные, атласные и парчовые ленты – из Венеции. Впоследствии он расширил торговлю и стал выписывать из Венеции еще и ручные зеркальца, чтобы модные дамы могли смотреться и подбирать себе ленты под цвет глаз или волос... Однако вскоре фон Зольц разумно решил, что наши умельцы ничуть не хуже, и основал в нашем городе производство ручных зеркал, главной гордостью которых была резная оправа из местного мраморного дуба, инкрустированная серебром, слоновой костью и перламутром. Однако тут фон Зольц столкнулся с неожиданной трудностью: как его мастера ни старались, им не удавалось наносить амальгаму так же ровно, как на венецианских зеркалах. Оказывается, на самом последнем этапе, как раз когда приходила пора покрывать зеркала амальгамой, венецианские умельцы удаляли всех из мастерской – даже подмастерьев. Ровно на три минуты. Что можно сделать за три минуты? И ни за какие деньги не хотели открывать свой секрет.

Так вот, фон Зольц пошел окольным путем. Он отправил самого молодого, самого красивого своего служащего обучаться в Венецию, и тот – ну вы, конечно угадали! – обольстил дочку старшины цеха. И она ради него подглядела в замочную скважину, что делает отец, когда выгоняет всех из мастерской. Секрет оказался очень простым – оказывается, перед тем как накладывать амальгаму, мастер просто дышал на обратную сторону зеркала, и тогда амальгама ложилась ровно, плотно и без комков. С тех пор наши зеркала ничуть не уступают венецианским, а производство их по старым рецептам сохранилось по сю пору. Равно как и производство кружев, которое фон Зольц тоже наладил здесь, – из местного льна, который ничем не уступает тосканскому. И то, и другое вы можете купить в галантерейной лавке фон Зольца, и, кстати, только в ней.

Ивана, скривив тонкие губы, смотрела, как туристы теребили пана Йонаса, требуя отмерить кружева, единственным достоинством которых было то, что и впрямь их производила местная мануфактура, и наперебой спрашивая зеркальца в деревянной, инкрустированной дешевым перламутром оправе, тоже ничем иным, кроме местного производства, не знаменитые. За зеркальца и кружева пан Йонас запрашивал гораздо больше, чем они того заслуживали, и Ивана гадала, сколько из этих денег уходит лихому экскурсоводу. На нее туристы косились с равнодушной симпатией, словно Ивана была чем-то вроде восковой персоны в окне, выставленной исключительно для антуража.

Наконец туристы вывалились из магазина, подгоняемые энергичным экскурсоводом, поскольку ровно в полдень часы на ратушной площади начинали свой парад фигур, выскакивающих последовательно из часового механизма: начиная с турка с кривой саблей и кончая зловещей ухмыляющейся смертью с косой, и на этот парад фигур просто обязательно следовало посмотреть каждому уважающему себя туристу.

Пан Йонас обернулся к Иване.

– Натоптали, – сказал он сокрушенно. – Я вон специально коврик положил, так хоть бы кто ноги вытер. Франчик, мерзавец, ввалился, как чужой, а за ним вся эта гопя. Где воспитание, я вас спрашиваю? Где культура? Куда мы вообще катимся? Вермеера украли, вы слышали?

– Кто ж не слышал, – сухо сказала Ивана.

– Меня еще папа на него водил смотреть, маленького. Гордость коллекции, можно сказать. Собственно, единственная гордость. И ведь какой цинизм, пани Ивана, какой цинизм! В самый день города, во время фейерверка...

– Будь я на месте вора, я бы тоже работала во время фейерверка, – говорит Ивана. – Такой шум, треск, грохот, все тарашатся в небо, у всех в глазах огненные колеса... Но у меня бы рука не поднялась на Вермеера. Ни у кого бы не поднялась, так что я полагаю, это заезжий гастролер работал. Тю-тю наш Вермеер... Вот, пан Йонас, мы в расчете. Кружево по пятерке, плюс два с полтиной за полметра, а корсажная лента...

– Благодарствую, – пан Йонас аккуратно сложил деньги в ящичек старомодной кассы, – а все ж таки зря вы в полицию обратились. Ничего с ней не случилось, уверяю вас.

– Надеюсь, – сказала Ивана.

* * *

Окно в доме напротив поймало солнце и, точно мячик, метнуло обратно, прямо Иване в глаза. Ивана моргнула и увидела, что бронзовая девушка теперь стоит немножко в другой позе. Или ей, Иване, не совсем точно запомнилось? Она недоверчиво покачала головой, и словно в ответ статуя пошевелилась, переступив с ноги на ногу. Только тут иллюзия развеялась, и стало ясно, что на постаменте никакая не статуя, а просто живая девушка, крашенная бронзовой краской, – и шубка (искусственного меха, как отметила Ивана), и теплая юбка из плотной пальтовой ткани в рубчик, и лицо, и руки. И даже букет, наверняка когда-то живой и разноцветный.

Разве будет девушка из приличной семьи вот так бесстыдно красоваться у всех на виду?

Почему она опять вспомнила про Анастасию? Не потому ли, что настоящее лицо Анастасии, хотя они вроде бы и жили бок о бок, как бы не проявляло себя? Не в смысле, что она довольно щедро красилась, а в каком-то другом, самой Иване не очень понятном...

Подвал на углу находился на той стадии ремонта, когда кажется, что не в человеческих силах поправить такое разорение. В углу лопнувшие мешки с цементом, проводка по стенам черными змеями, в полу дыры.

Молодой Янек был задумчивым и вдохновенным и с ног до головы заляпанным известкой.

– Подавальщицу видели? Ну, картину? Такая девушка, пышная такая, фартук, чепец, поднос в руках...

– Полагаю, – сказала Ивана, – вы «Шоколадницу» имеете в виду. Кисти Жана-Этьена Лиотара. Одна тысяча семьсот сорок пятый, если не ошибаюсь. Кто же ее не знает. Она, можно сказать, всем надоела уже.

– Не мне, – сказал Янек и стряхнул с ресниц известку. – Как может надоесть красивая девушка? Тем более нарисованная. Стоит и молчит. Но не в этом дело. Я их хочу в такие, ну, платья. Официанток.

– Отрезное, по фигуре? Не советую. А вдруг она располнеет? Или вообще уволится? Тогда что, на другую перешивать? Накладно будет. Можно, правда, – она задумалась, – шнуровку сделать. Знаете, как Красную Шапочку рисуют. Корсет. Тогда можно распускать и по фигуре подгонять.

– И вырез чтобы глубокий. – Янек, полузакрыв глаза, продолжал, словно бы уже находясь внутри мечты. – И чтобы полненьких брать. Такая, чтобы домашняя обстановка. Как бы ренессансная. Свечи в плошках или в бутылках старых... чтобы потеками.

– Как-то банально получается, – осторожно заметила Ивана, – пошловатое...

Янек с усилием вынырнул из своих видений.

– Пошлость – это то, что нравится большинству, – сказал он деловито, – а мы работаем с большинством. Это пускай снобы всякие выдрючиваются. А у нас целая легенда разработана. Это, мол, старая кофейня. С традициями. Вывеску состаренную повесим, портрет основателя... Закопченный такой. Он дворянин был. Храбрый, но бедный. Как водится. Когда турки город осадили и защитники ослабли от голода, – значит, и вот-вот ворота падут, – он пробрался за стены и поджег турецкий склад боеприпасов. Рискую жизнью. Все, значит, взрывается, горит, защитники собирают последние силы, врываются во вражеский стан и гонят турок, гонят... И остается все турецкое добро там, палатки шелковые, ковры... И курфюрст его, героя, тогда спрашивает, а что бы вы хотели, ну, может, баронство там... Или

орден? И он говорит, мне не надо вашего баронства, а дайте мне вон те мешки и эксклюзивное право торговать их содержимым...

– Так и сказал – эксклюзивное?

– Так и сказал... На протяжении... пяти, нет, десяти лет. И ему, конечно, дали. И он основал первую в городе кофейню. И она вот так и простояла, и почти ничего не менялось в ней. Вон, кусок старой штукатурки оставим, чуть-чуть только еще затрем, когда просохнет. С вензелем и латинским девизом... Как бы случайно сохранился. Людям приятно. И портрет опять же.

Он кивнул на стоящий у стены очень темный и с виду очень старый холст, на котором смутно угадывался мрачный смуглый человек в красной феске.

– На турка похож, нет? – осторожно спросила Ивана.

– А как бы иначе он пробрался во вражеский стан? – удивился молодой Янек. – Мы уже заплатили авторам последнего путеводителя, там будет и портрет, и легенда, и адрес кофейни. Парочку эксклюзивных рецептов придумаем, опять же, с историей, и настойку свою. На травах, чтобы больше ни у кого, семейный секрет, из поколения в поколение. Лицензию купим, тьфу ты, сплошное разорение, но должно окупиться, должно.

– Тут сапожная мастерская была, – задумчиво сказала Ивана, – ее Лепские держали. Сначала сам, потом сын, потом внук. А буквально напротив была сапожная мастерская Гиршовича. И они соперничали все время. И однажды старый Лепский, вернее, средний Лепский, подговорил одного клиента Гиршовича, чтобы тот подал на Гиршовича в суд. Мол, тот так ему неудачно башмак стачал, что через натертую ногу у клиента рожистое воспаление началось. Суд, правда, счел доводы неосновательными. А во время последней войны последний Лепский прятал у себя в подвале последнего Гиршовича. Тесно, все на нервах, все злые, и еду носить надо, и горшок выносить. И характер у Гиршовича еще тот, и Лепский в сердцах пожаловался старой пани Оккульской, когда она пришла к нему обувь чинить, мол, я его прячу, жизнью рискую, а он еще и хамит. А она возьми, да и сболтни кому не надо... Их обоих расстреляли – и Лепского, и Гиршовича. Эту мастерскую потом какая-то артель заняла, а племянник Лепского начал за нее судиться. И не отсудил. Лепские всегда были сутяжники, но все дела проигрывали.

– Людям не нужны такие истории, – Янек стер штукатурку с бровей, – людям нужны истории с хорошим концом. И чтобы давно. Им кажется, что все было иначе. Подвиги всякие. Было где развернуться. Показать себя. А в настоящей истории ведь нет никакой романтики. Одна тоска. Грязь и кровь. А мне надо, чтобы посетители чувствовали себя уютно. Только не было тут никакой мастерской Лепского, а были склады купца Попудова. Мой дед его консультировал в деле о поджоге с целью незаконного получения страховой компенсации. Так возьметесь?

– Полагаю, да, – сдержанно согласилась Ивана, – я вам на днях эскизы принесу и примерную смету. То есть, исходя из недорогих, но практичных материалов... Сколько у вас девушек будет?

– Это ж кофейня. Не ресторация. Я так думаю, одна за кассой, одна за стойкой, три в зале... Еще одна на подхвате... посудомойку не видно... Шесть получается, может, там, взаимозаменяемые детали, фартучки... с оборочками. Чепцы. Как у той, как вы сказали?

– Шоколадница. Кисти Лиотара, – повторила Ивана с достоинством.

– Да, вот как у нее. А там сзади нельзя сделать попышнее?

– Турнюр? В принципе, можно... но тогда вам придется слишком часто обучать новых девушек. И, кстати, такой деликатный вопрос...

Ивана всегда стеснялась говорить про деньги, потому что ей казалось, что это разрушает ее имидж тонкой и культурной женщины. Хотя работа тонкая, серьезная работа, и времени требует, и эстетического чутья, и понимания материалов.

– Какой же это деликатный? – удивился Янек. – Это сущностный, можно сказать, вопрос...

Гонорар Янек предложил весьма скромный, хотя и в пределах допустимого, из чего Ивана заключила, что с такой прижимистостью он, пожалуй, не прогорит. Но торговаться она не стала, удовлетворившись тем, что аванс получит сразу по предоставлении сметы.

Девушки на углу уже не было, наверное, замерзла и убежала. К вечеру и правда сделалось холоднее, и туристы, галдевшие подле Собора и под часами на ратушной площади, рассыпались по кофейням и ресторациям. Бульжник мостовых подернулся тонким нежным ледком, словно бы жировой пленочкой, и Ивана осторожно перебирала аккуратными своими ботиночками, боясь поскользнуться.

Дверь в комнату Анастасии была приоткрыта. Ивана нахмурилась, поскольку привычки оставлять двери распахнутыми, даже дома, за ней не водилось. Хотя кто ж такое помнит, иногда с полдороги возвращаешься, чтобы проверить, заперла ли входную дверь, а ведь это гораздо серьезней, чем просто забыть, затворена ли дверь в комнату жилички...

И все же в комнату жилички Ивана заглянула осторожно, на цыпочках... Чудовищный беспорядок как был, так и остался. Впрочем, может, дверь в комнату отворилась просто от сквозняка?

Несколько успокоившись, Ивана переоделась в домашнее платье, поскольку равно осуждала и тех, кто не переодевается дома, и тех, кто ходит по дому в халате, поужинала яблоком и гренками, сварила себе кофе в турке на одну персону и устроилась за столом в гостиной – с кофейной чашечкой под рукой и с блокнотом для эскизов. Час спустя по бумаге важно расхаживали шоколадницы – без головы, но с подносами в руках; на всех корсеты со шнуровкой, на некоторых – фартуки с оборками, еще один фартук отдельно повис в белом воздухе. Тут же на страничке она аккуратно, в столбик, расписала примерные суммы расходов: материя на платье – столько-то метров, такая-то стоимость, на нижние юбки – столько-то, такая-то стоимость; фартуки – желательно из нейлона, фурнитура, и так далее...

Работа эта, размеренная и спокойная, хотя и требовала сосредоточенности, была приятна, поскольку создавала впечатление, что жизнь можно направить в верное русло посредством нехитрых подсчетов. Потому Ивана какое-то время не обращала внимания на звонки, доносящиеся из коридора.

Потом все-таки спохватилась, встала так резко, что повалила венский стул с лебединой гнутой спинкой. Иване редко кто звонил, разве что Каролина, но Каролина как раз в это время обычно растирала маме спину, прежде чем уложить ее спать. А вдруг это Анастасия? Просто смылась со своим Ладиславом, как полицейский и намекал, втихую, чтобы за комнату не платить, а теперь звонит сказать, что все в порядке. Тогда она, Ивана, и впрямь повела себя как суетливая дура.

Но, когда Ивана сняла трубку и торопливо сказала «да!» на том конце провода ей ответом было молчание, не глухое, а как бы наполненное шевелящимся дальним эхом.

– Да? – повторила Ивана, чуть задыхаясь. – Говорите, я слушаю!

Молчание...

– Анастасия?

Молчание.

– Ладислав?

Там, далеко, кто-то швырнул трубку на рычаг. Или просто прервалась связь...

Покачав головой, Ивана вернулась к столу, попутно утвердив стул на место, и замерла: папины очки, старые, в коричневой, почти непрозрачной оправе, с дужкой, перехваченной черной ниткой, опять лежали на крышке пианино.

Мертвые привязаны к своим вещам и кое-что могут. Это ведь не страшно, уговаривала она себя, это родные мертвые, они не могут сделать ничего плохого.

А все-таки при Анастасии такого не было...

Когда телефон зазвонил опять, Ивана уже не торопилась: аккуратно положила карандаш и отставила стул. Подождут, кем бы они ни были.

Телефонная трубка была теплая, словно Ивана положила ее на рычаг буквально миг назад.

– Слушаю вас, – сказала она сухо, – и если вы не прекратите хулиганить... нет-нет, это я не вам. Это кое-кто тут... не знаю, кто. Звонят, а потом молчат в трубку. Погодите, что значит «это арест»? Вы что вообще себе...

– Вот так всегда. Да не «арест»... Орест, – терпеливо сказали на другом конце провода. – Меня так зовут. Орест. Через «о», не через «а». Вы у нас сегодня были. Ну, в участке. По поводу пропавшей жилички.

– А! – Ивана сначала облеченно вздохнула, потом до нее дошло. – Что? У вас есть какие-то... новости?

– Можно сказать и так, – неохотно ответил человек по имени Орест.

– Плохие?

– Ну... не очень хорошие, скажем так. Если вы завтра с утра... Вы вообще ходите на службу, нет?

– Нет, – железным голосом сказала Ивана, – я надомница.

– Ну-ну, – неопределенно сказал Орест, – в общем, у нас рабочий день в девять ноль-ноль начинается.

– У вас, похоже, рабочий день круглые сутки, – кисло говорит Ивана, – приятно, что еще остались серьезные и ответственные люди. Сейчас мало кто отдается работе с такой страстью.

Если бы Анастасия нашлась, живая и здоровая, молодой человек из полиции по имени Орест не стал бы ей звонить – в котором? – да, в десятом уже часу вечера. Приличные люди в это время уже готовятся ко сну.

Она вздохнула и стала готовиться ко сну. Но заснуть так и не смогла, лежала, думая о своем одиночестве и прислушиваясь к тихому скрипу паркета... Не выдержала, встала, зажгла свет – нет, пусто. А вскоре на соседней улице зазвенел трамвай...

* * *

Орест сегодня с Иваной держался не снисходительно, а холодно и сурово, показывая тем самым, что человеческого меж ними быть не может, а только деловое, а деловое это еще по-разному может сложиться. И Ивана ощущает потребность оправдаться, хотя вроде бы ничего такого не сделала.

– Звонил вчера кто-то, – говорит она осторожно. – Как раз перед вами. Звонил и молчал в трубку. Нельзя установить – откуда?

– Я проверю.

Вид у Ореста был усталый, даже галстук сбился набок. Будь у них другие отношения, Ивана бы поправила ему галстук, но сейчас она сидит, вцепившись в сумочку, и молчит.

– А вот вы мне скажите, гражданка, в каких вы отношениях были в вашей жиличке?

– Это... – у Ивана на миг перехватывает дыхание. – В каком смысле?

– В прямом. В самом прямом. Не ссорились?

Ивана выпрямляется – на скулах ее горят два красных пятна, а глаза смотрят перед собой прямо и строго, даже некоторым образом задумчиво.

– Это значит, – говорит она тихо, – она мертвая, убита. Нет, погодите... И вы теперь подозреваете, что я ее убила, а к вам вчера пришла, чтобы замести следы. Я тоже детективы читаю. И теперь вы говорите мне «гражданка» и будете проверять мое алиби и что там еще?

Следы крови на ковре? У меня есть ковер, да. А алиби нет. Откуда? Я живу одна. То есть вот была Анастасия, а теперь вот одна.

Она помолчала.

– Понимаю ход ваших мыслей. Она шубу купила. А за комнату задолжала. И вот я начала с нее требовать деньги, она сказала что-то... неприятное. Обидное. Она могла, Анастасия. И я вошла в состояние аффекта. А потом, чтобы отвести от себя подозрение, пришла к вам. Ну да. Я вас понимаю. Кто рядом, то и убил. Если убита жена – тряси мужа. И наоборот.

– Да, – согласился Орест, – в девяноста процентов случаев. По крайней мере, в пособии по криминалистике так написано...

Ивана подумала, что это – первое его серьезное дело. Молодой, но неопытный следователь лицом к лицу с хитрым, коварным преступником. То есть с ней, с Иваной. И вся его карьера теперь зависит от того, раскроет ли он. В детективах всегда так.

– Женщины удивительно сильными делаются в состоянии аффекта, – Ивана со значением кивнула, – особенно моего типа. То есть худошавые и с тонкой костью. У меня знаете, какой размер ноги? Вы удивитесь.

Называя размер, она слегка приврала.

– Скажите, – покорно говорит Орест, – а вам не кажется, что вы мне пытаетесь заморочить голову? Строите из себя...

– Эксцентричную старую деву? А на самом деле я и есть убийца?

Она смолкла и задумалась. А ведь в самом деле, смогла бы она, Ивана, убить Анастасию? Во время ссоры, например... Нет, Анастасия сильнее, моложе и вообще девица крупная. Себя в обиду не дала бы. Уж скорей, наоборот, она Ивану бы придушила, если что.

Орест вздохнул, поднялся из-за стола и полез в сейф. Извлек оттуда пакет и вывалил содержимое пакета перед Иваной, которая уже было протянула руку.

– Нет-нет, не трогайте.

Сам он демонстративно натянул перчатки и показывал Иване один предмет за другим, точь-в-точь фокусник в цирке.

– Это ее сумочка, да. – Ивана кивнула, подтверждая. – То есть похожа на ее сумочку. Нет, точно ее, я помню эту пудреницу. Там на крышке лебедь как бы выдавлен. Помаду не помню, но она ее цвета. Она красным губы красила, Анастасия. А где ее нашли? В Старом парке?

– Здесь я спрашиваю, – сурово сказал Орест. – А почему вы думаете, что в Старом парке?

– Сумочка мокрая изнутри, – говорит Ивана. – Подкладка сырая. И вон, старая хвоя прилипла. Вон иголка, видите... В скверах старую хвою убирают.

Он что, совсем желторотый, этот Орест? Никаких аналитических способностей.

– Ну да, – неохотно ответил Орест, – в Старом парке. В кустах... Собаку там выгуливал пацан один, собака и нашла. Охотничья собака, спаниель.

– А... ее? Анастасию?

– Ее тоже нашли, – сказал Орест и замолчал.

Он молчал долго, и Ивана не выдержала:

– Мне надо... опознавать ее?

– Опознали уже, – Орест все слова выталкивает неохотно, словно бы ему неприятно было об этом говорить, во всяком случае – Иване. Уж не потому ли, подумала Ивана, что она, Ивана, оказалась права, а он, Орест, в дураках? – Управляющий цветочного магазина опознал. Он говорит, у нее на пояснице родинка была... в форме розочки.

– Родинка, гм... – говорит Ивана, – на пояснице.

– Ну да, гм... Но он все выходные дома был, жена подтверждает. Так что тут все чисто. Более или менее.

– А... это все, что там было?

– В сумочке? Документов не было, точно. Ключей тоже. Блокнота, записок... ничего. Только вот это. Ну, как бы предметы первой необходимости. Пудреница, помада. Даже перчаток не было.

– Она их в кармане шубы оставила, – говорит Ивана.

Ивана закрывает глаза, потом открывает.

– А это что? Тоже в сумочке у нее было?

Не букетик даже, какой-то пучок. Впрочем, перевязан ленточкой, так продавщицы обычно перевязывают цветы, одним стремительным движением заставляют эту ленточку завиваться, будто бы девичий локон. Но эти такие жалкие и чахлые, что даже ленточки не заслуживают. Они бы, наверное, совсем увяли, не пролежи сумочка все это время где-то в подтаявшем снегу...

– Тоже было, – Орест вздыхает и с отвращением смотрит на букет.

– А можно... я заберу его?

– Это улика, – поясняет Орест, – она в описи есть. Нельзя.

– Он же совсем завянет...

– Все равно нельзя.

– Я тогда зарисую их... Можно?

Ивана извлекает из собственной своей сумочки блокнот и цветные карандаши. Она хотела забежать к молодому Янеку, показать ему шоколадниц и, может, внести кое-какие коррективы, если ему что-то в голову стукнет, но, похоже, сегодня ей будет не до этого.

– Наверное, можно, – уныло соглашается Орест. Он предпочел бы, чтобы Ивана наконец ушла, поскольку узнал все, что хотел, но он уже достаточно знает Ивану, чтобы понять, что так просто отделаться от нее не удастся. – Зачем он вам только, веник этот?

– В вашем деле все важно. Любая мелочь. А скажите, – Ивана встряхнулась и сурово поглядела на Ореста, – это и правда ваше первое серьезное дело?

– Смотря что считать серьезным, – неопределенно говорит Орест. – На нас еще и Вермеер висит. То есть его городское управление под свой контроль взяло, но кража-то совершена в нашем округе. Нарисовали?

– Сейчас... Только вот этот еще, желтенький. А скажите... Как ее убили, Анастасию?

– Ее задушили, – Орест опять вздыхает, – потому и... если честно, хотя вас нельзя сбрасывать со счетов, вы... ну, словом, очень сильные руки нужны были. Вы свободны, гражданин.

– Не сомневаюсь. – Ивана спрятала блокнот и карандаши в сумочку и встала, прижимая сумку острым локтем к боку. – Так я пошла?

– Идите, – устало сказал Орест и прикрыл глаза.

* * *

А день переливался и смеялся, и никакого никому дела не было до бедной Анастасии. На углу с лотка торговали жареными каштанами и засахаренным миндалем, толстые голуби ходили вперевалку меж гуляющими, подбирали крошки... Мимо Иваны процокала подковками по брусчатке белая лошадка, запряженная в открытую повозку, сейчас пустую, без седоков... Возница в камзоле помахал Иване рукой, и она с достоинством кивнула в ответ.

Рынок за Оперным театром заполнился цветочными рядами – и зачем вообще столько цветов, неужто их кто-то покупает? Туристы? Зачем? Не потащат же они цветы в отель? Да и у горожан, можно подумать, других дел нет, как только бежать с утра пораньше в цветочные ряды на рыночной площади... Хотя глазу приятно, это да. Словно сам город нечувствительно

побуждает торговцев раскладывать на прилавках не, скажем, морковку и петрушку, а азалии и ноготки... А все-таки чудно, что они не прогорают, эти цветочные ряды...

Мы любим не то, что полезно, думает Ивана, а то, что красиво... Польза некрасива, неживописна, не романтична, в конце концов. Никому не приходит в голову украшать шляпки, скажем, картошкой и луком, а ведь в быту это гораздо более уважаемые растения. Но люди не хотят думать о картошке и луке, они хотят жить так, словно бы картошка и лук не существуют, вместе со всеми остальными бытовыми заботами. Торговать цветами – шикарно, а картошкой и луком – нет. Не пошла же Анастасия работать в овощную лавку. А вот в цветочную – это пожалуйста. Ивана какое-то время стоит, сжав в руках сумочку, круглый лоб перерезает вертикальная морщинка, потом поворачивается и решительно идет на трамвайную остановку. Ехать недалеко, но проталкиваться сквозь толпу веселящихся и галдящих туристов ей сейчас не хочется.

* * *

В Ботаническом саду Ивана не была с самого детства, с того лета, когда мама водила ее в розарий, на летнюю выставку роз, и Ивана навсегда запомнила розовато-желтое, алое, пурпурное буйство. Чувственность вытянутых тугих трубочек-бутонов и бесстыдно распустившихся зрелых цветов тогда была ей, маленькой, непонятна и тем не менее ощутима, словно что-то скрытое, волнующее и даже опасное. Тогда было жарко, и над розами гудели одуревшие от яростного розового духа пчелы и бражники, которые так быстро работали крыльями, что те сливались в серое гудящее облачко. Сейчас, думала она, розы если где и есть, то только в теплицах, впрочем, клумбы ботсада радовали ранними крокусами, намекая на грядущее великолепие. Но крокусам, белым, желтым и нежно-лиловым, никто не радовался, потому что народу на посыпанных аккуратным гравием дорожках совсем не было...

В будке у ворот, стилизованной под средневековую караулку, Ивана купила билет (пройти без билета, сославшись на срочное дело или на какое-то несуществующее знакомство, ей и в голову не пришло), а заодно и план-проспект, где говорилось, что городской ботанический сад имеет почтенную историю и основан более полутора веков назад профессором Почаевским на базе старого сада монахов-тринитариев, что коллекция его насчитывает 851 вид растений (подозрительно точное число, подумала Ивана) и что теплицы его не только поставляют цветы для городских торжеств, но и ведут большую научно-исследовательскую работу по изучению и сохранению родной природы. Последнее Иване особенно понравилось, и потому она направилась прямо к теплицам, не слишком задерживаясь, чтобы полюбоваться крокусами.

В теплице солнце проламывалось сквозь стеклянные граненые своды, и зелень кругом так торжествующе буйствовала, что казалась уже даже какой-то страшноватой и опасной, словно бы при начале времен, или, напротив, ближе к их концу, когда и человека уже на земле не будет, а будет только вот такая зелень, и тишина, и запах торфа и жирного чернозема, а больше ничего.

Что-то вдруг прыснуло из-за огромных разлапистых листьев и тонкой струйкой обдало Иванин рукав. Она испуганно отпрянула, но тут же сообразила, что это просто автоматическая поливальная машина. Душный влажный воздух обнимал Ивану, как никогда ни один мужчина, и серое пальто с розовыми буфами отяжелело и обвисло, так что в конце концов Ивана, поколебавшись, сняла его и перебросила через руку, порадовавшись, что и под пальто она одета достаточно пристойно и элегантно... Впрочем, людей никаких тут и впрямь не было, словно бы конец времен уже наступил, и Ивана растерянно озиралась по сторонам, пока, наконец, в дальнем углу этого заповедного сада не расслышала еще какое-то шебуршание и не увидела, двинувшись на звук, мрачную девушку в синем сатиновом халате, обре-

зающую старые листья какого-то огромного пальчатого растения. Ивана опять подивилась тому, как можно ходить с таким мрачным лицом в таком замечательном месте, но людскую природу не переделаешь...

– Посторонним сюда нельзя, – голос у девушки был таким же сердитым, как лицо, а на носу выступили капельки пота, – это служебное помещение.

– А я по служебным делам, – сказала Ивана, – я веду расследование. И дело мое серьезное.

– Вы что, из полиции? – удивилась девушка. Ивана походила на кого угодно, только не на полицейского сотрудника.

– Я приглашенный консультант, – Ивана кивнула головой как бы в подтверждение своих слов. – И мне требуется определить кое-какие растения... Ну, – она сбилась с ученого тона, – как они называются и все такое...

– Я вообще-то лаборант, – девушка привирала, поскольку никаким лаборантом не была, а числилась садовником третьей категории, – это к специалисту надо.

– Очень хорошо, – сказала Ивана с достоинством, – и где мне его искать?

– Как выйдете отсюда, налево будет такой маленький розовый домик, – все так же сердито сказала девушка, – там он и сидит, специалист. Не в этой же духотище он будет париться.

Это она сердится на специалиста, что не ему, а ей приходится работать в теплице, поняла Ивана, а ведь, в сущности, чем плохо? Всегда тепло, зелень, даже когда снаружи темнота, холод и снег... разве что, если кому не по нраву вечное лето.

Специалист оказался немолодым и лысоватым и тоже в синем сатиновом халате. Он походил скорее на бухгалтера в средней руки конторе, и даже нарукавники у него были, черные, тоже сатиновые. Впрочем, отметила зоркая Ивана, ботинки у него были хорошие, добротные, и очки в дорогой оправе, а это уже очень много значит, когда хочешь составить впечатление о человеке.

Специалист сидел за столом, заваленном книгами, чьи названия были сплошь на латыни, и рассматривал в лупу сухой корешок с таким вниманием и интересом, что Иване даже стало завидно.

Ей пришлось кашлянуть, чтобы он отвлекся от своей работы.

– Мне сказали, вы можете помочь, – Ивана вдруг почувствовала робость, потому что специалист мог и отказать ей в ее просьбе, – определить растения. Ну, цветы. Я могла бы, конечно, цветочный атлас взять в городской библиотеке, но это долго, потому что я не знаю, где их там искать, понимаете?

– Давайте, – сказал специалист, не отрывая взгляда от растительного корешка.

– Что – давайте?

– Ваши растения, – он удивился непонятливости Ивана.

– У меня их нет... – Ивана торопливо полезла в сумочку за блокнотом, – только рисунки... Но я думаю... я старалась...

Она никогда не рисовала цветы, только платья, но ведь, в сущности, это одно и то же – только цветы уловляют пчел и бабочек, а платья – двуногих... И правда, специалист вовсе не смеется над ее рисунками, он рассматривает их с тем же доброжелательным интересом, с каким только что разглядывал свой корешок.

– Ну да, – говорит он наконец, – вот это – акант.

– Погодите, я запишу, – Ивана пишет название цветка на обороте квартирного счета, потому что ее блокнот лежит на столе у специалиста. Стол, машинально отмечает она, выглядит так, как будто на него сто лет подряд ставили кружки с горячим чаем, попутно проливая немножко... – Надо же, а я думала, что это люпин.

Специалист не сердится, и Ивана чувствует себя свободней.

– Что вы, это совсем другое семейство. Акант, он же медвежья лапка. Тропики, субтропики.

Ивана задумчиво разглядывает набросок. Акант ей решительно не нравится. Так себе растение. Ни красоты, ничего.

– А это?

– Моллюцелла гладкая. Она же ирландский колокольчик. Теплолюбивое однолетнее.

– Не слишком красивый цветок, вы не находите?

– Дорогая моя, – специалист поднимает голову и смотрит на Ивану с тем же доброжелательным интересом, – некрасивых цветов не бывает. Ну как может такой шедевр природы быть некрасивым? Каждый в своем роде – совершенство. Да вы присядьте, что ж вы так, как на уроке, ей-богу.

– Спасибо, – говорит Ивана, – большое спасибо.

Усаживаясь на старый расшатанный стул, она вдруг чувствует, как устала, как ноют ноги в ботиночках, которые, страдая за убеждения, всегда покупает на размер меньше, чем требуется. Но вот как специалист угадал, что она устала, раньше, чем это поняла она сама? Наверное, он очень хороший специалист, раз замечает всякие не относящиеся к делу подробности.

– Наверное, приятно работать в таком почтенном месте? – Ей, Иване, очень хочется сказать ему что-то, польстить специалисту. – Все-таки более чем полуторавековая история...

– Почему полуторавековая? – обижается специалист. – Кто вам это сказал?

– Ну как же, вот в путеводителе написано... основан более полутора веков назад профессором Почаевским на базе старого сада монахов-тринитариев.

– Черт знает что пишут... Этому саду по меньшей мере на сто лет больше... И основал его никакой не Почаевский, хотя он тут работал, что да, то да. Его основал частный владелец, бусский воевода, граф Лайош Грабовец. Откупил участок у епископата, с аптекарским огородом, свое имение отдал под посадки... Очень просвещенный человек, между прочим. Интересовался ландшафтным дизайном, специалистов в Вену посылал, в Версаль... Тут великолепный каскад прудов был, великолепный... в войну разрушили, до сих пор не восстановили, жаль. Куда городские деньги идут, непонятно...

– И не говорите, – соглашается Ивана поспешно. – А вот этот? Это какой цветок? Василек, верно? И вот это – ну это просто, это хризантема. Белая хризантема, так и запишем. А это вот что?

– Плющ.

– Не хмель?

– Нет-нет. Видите, совсем другие листья. И, кстати, совсем другая символика. Хмель – безумие... радость жизни... буйство. А плющ – траурное растение.

– Кстати, насчет символики, – Ивана рада, что разговор на эту тему зашел сам собой. – Одна моя знакомая... ну, неважно... врала, что есть такой язык цветов. Что можно составлять целые послания, если знаешь – как.

– Почему – врала? – Он опять поднимает глаза и смотрит на Ивану, глаза у него то ли серые, то ли зеленые, увеличенные очками. – Язык цветов и правда существует... вернее, существовал. Каждому цветку приписывалось свое символическое значение. Но он, конечно, подзабыт. Кому в наше время нужно столь сложное изъяснение чувств? Но это как бы... вне области научного знания. Это куртуазный язык. Тайный язык влюбленных. Шифр. Ну, хм... признаваться в любви, назначать свидания или там, напротив, давать от ворот поворот... Он больше ни на что не годен, честно говоря.

– Вы думаете? – задумчиво говорит Ивана. – Ладно, положим. А где можно узнать про этот самый язык цветов? Поподробней?

– В городской библиотеке наверняка что-нибудь есть. Только зачем вам?

– Я хочу проверить одну теорию, – говорит Ивана, и специалист смотрит на нее с уважением. – А это что?

– Лядвенец.

– Вы что, шутите?

– Да нет, он и вправду так называется, – у него хорошая улыбка, – лядвенец рогатый, семейство бобовых. Кормовое и декоративное растение. Хороший медонос. Это вы сами рисовали?

– Да... Я хотела сами цветы, но их нельзя. Следовательно говорит, это улики.

– Очень неплохо, знаете ли.

Улики специалиста не интересуют. Он живет в мире, где нет места убийствам и следователям.

– Благодарствую, – сдержанно кивает Ивана.

– Мы тут как раз каталог составляем. Иллюстрированный. А у вас, я смотрю, твердая рука. И чувство цвета хорошее. Если бы вы согласились... У нас, конечно, гонорары скромные. Но зато обстановка приятная. Даже среди зимы лето, знаете... оранжереи, все такое.

– Спасибо, – говорит Ивана, – я, в общем-то, не против.

Она представила себе, как сидит с Каролиной в кондитерской, потом смотрит на свои часики (маленькие дамские часики, никакой позолоты, никаких сердечек) и говорит: «Ну, я побежала, меня ждут, они там, в ботаническом саду, без меня как без рук...» И Каролина остается одна сидеть за столиком, удивленно раскрыв круглый рот.

И это совсем не то, что цветочный магазин, думает она. Гораздо, гораздо лучше, потому что в ботсаду цветы умирают только естественной смертью.

Она встает, и специалист тоже встает, потому что он вежливый человек, что для ученых, думает Ивана, нетипично. Она всегда полагала, что ученые кроме своей науки вообще ничего не замечают, потому что представления об ученых у нее в основном складывались из тех же детективов Агаты Кристи.

– Ну замечательно! – специалист мнется и даже от растерянности сует руки в карманы. – Послушайте, а вы сегодня вечером что делаете? Как насчет того, чтобы нам с вами немножко посидеть в кофейне? Обсудить предстоящие обязанности? Я скоро тут закончу, а поблизости есть такая кофейня, ну прекрасная просто кофейня, там подают прекрасный венский штрудель. Вам должно понравиться. Вы не подумайте чего, я, знаете ли...

Ему явно неловко. Ивана понимает, что он не привык ухаживать за женщинами и боится грубого отказа.

– Я сегодня не могу, – осторожно говорит она, – у меня очень важное дело. Очень срочное. Но вот возьмите, – и она пишет в блокноте свой домашний телефон, отрывает листочек и сует его в карман синего сатинового халата сотрудника ботсада. А поскольку тот по-прежнему держит руки в карманах, то пальцы их сталкиваются, и оба они, Ивана и сотрудник, как по команде краснеют.

А и правда жаль, думает Ивана, что сегодня никак не получается. Он, кажется, приличный человек. Вдовец – вон, кольцо на левой руке. И никого себе до сих пор не нашел, нарукавники носит, потому что рукава ему чинить некому, но аккуратный, ботинки, вон, начищенные, не дает себе распускаться, а я и правда люблю венский штрудель... Если два одиноких человека любят венский штрудель, они всегда могут договориться меж собой. Словно бы прощальный привет от Анастасии, словно бы в благодарность за то, что Ивана не оставила ее лежать одну, никем не признанную, в холоде и мраке, та косвенным образом пытается оттуда, из своего далека, где она там теперь находится, устроить ее, Ивана, личную жизнь и стабильное финансовое будущее. Ну ладно, это Ивана, пожалуй, слишком уж размечталась, но хотя бы раз в неделю сходить с приличным человеком в кафе – это ведь

уже неплохо, верно? А уж как иззавидуется Каролина! Эта мысль греет Ивану всю дорогу до библиотеки.

* * *

– Как ваш радикулит?

– Ох, пани Ивана, и не спрашивайте. Я бы сказала, он в расцвете. В самом расцвете сил. Это я чахну, а ему хоть бы что.

– Это все сырость, – сочувственно говорит Ивана, – сейчас самое паршивое время для нашей сестры. Вот, возьмите, можете ставить обратно, я уже прочла что надо.

Вообще-то Ивана любит городскую библиотеку, ее неспешный ход жизни, запах старых книг и мастики, запах газет и новых книг, которые только-только из типографии и даже оставляют, когда их листаешь, черные следы на пальцах, но сегодня у нее нет времени наслаждаться привычной обстановкой.

– Что-то вы с детективов на куртуазную литературу переключились, – задумчиво говорит пани Валевска. – Уж не появился кто на вашем одиноком горизонте? Весна время бурное. И не только в смысле радикулита.

– Личная жизнь – очень тонкая материя, – загадочно говорит Ивана, – чуть тронешь ее грубой рукой, а она раз – и рвется... Но книга мне была нужна не в плане куртуазных намерений. Это как бы исследование.

– Железные у вас нервы, пани Ивана, – неодобрительно говорит библиотечарша. – Буквально сегодня вашу бедную жилищку какой-то маньяк удушил, а вы тут про цветочки читаете.

– Ее удушили в выходные, – сухо говорит Ивана, – скорее всего, в субботу вечером. Я могу позвонить отсюда, пани Валевска?

– Вообще-то это служебный телефон, – говорит библиотечарша, которая исключительно редко звонит по служебным надобностям, но довольно часто по своим личным нуждам, – но если недолго...

– Я недолго. – Ивана предпочла бы, чтобы пани Валевска не присутствовала при разговоре, и не знает, как бы это сказать, чтобы было без обиды, но тут, на Иванино счастье, аптекарша приходит поменять один любовный роман на другой, точно такой же. Ивана остается одна за конторкой и разворачивает бумажку с телефоном полицейской управы.

– Соедините меня с Орестом, будьте любезны. Ну с тем следователем, который ведет дело об убийстве. Что значит «какое убийство»? Не морочьте мне голову, это срочно. Орест, это опять я... ну, Ивана, по поводу жилищки... да, я знаю... но у меня новости, я хочу сказать, очень важные... очень.

Она прикрывает ладонью трубку и оглядывается, но пани Валевская увлеченно обсуждает что-то с аптекаршей. Очевидно, свой радикулит.

– Знаю, что заняты. Я много времени не займу. Вот, прямо по бумажке. Акант – искусство, василек – изящество. Изящное искусство получается. Ирландские колокольчики – удача. Плющ – зависимость, сотрудничество. Дурман – обман. Лобелия – злоба, недоброжелательность. Хризантема – правда. Лядвенец – месть. Месть! Я думаю, она знала, что он найдет записку, если она ее напишет, и времени у нее было совсем немного. И она составила букет. Язык цветов, понимаете? Я думала, она врала, ну, цену себе набивала, а она и правда... Почему – чушь? Ну вот...

Она стоит, растерянно сжимая в руке трубку и вслушиваясь в короткие гудки.

Потом поворачивается к пани Валевской, оживленно описывающей аптекарше какую-то чудодейственную мазь...

– Поговорили? – Валевская, казалось бы, поглощенная разговором с аптекаршей, за Ивановой тем не менее наблюдала и даже, кажется, прислушивалась.

– Да, благодарю вас, – говорит Ивана, – исключительно полезный разговор. А вот не знаете, пани Валевска, кто у нас сегодня в музее в зале шедевров дежурит? Пани Эльжбета? Ну отлично, просто отлично!

– Не тревожься, Анастасия, – шепчет Ивана, выходя из библиотечных дверей, – я этого так не оставлю!

* * *

– И не говорите, пани Ивана. Такой ужас, такой ужас! Можно сказать, гордость музея. Жемчужина.

Пани Эльжбета всплескивает руками, и вязанье падает с колен на пол. Ивана думает, что, если бы был конкурс на звание идеальной смотрительницы музея, пани Эльжбета бы его выиграла. Музейная смотрительница в пенсне и крупновязаной шали сама до какой-то степени музейный экспонат, без нее и музей не музей.

– Еще повезло, что без человекоубийства обошлось, – заметила Ивана осторожно.

– Ну так этот мерзавец все рассчитал. День города, фейерверк ровно в полночь, прямо на ратушной площади... Шум, гам... Кто там заметит, что какой-то бессердечный, бессовестный! И ведь даже из рамы как следует не вынул, обрезал ножом по краям, и все. Три сантиметра полотна утрачено! Три! А это Вермеер, их во всем мире сорок, считая украденного, нашего!

– А разве день города не в сентябре был? Я вроде помню, тоже салют и тоже на ратушной площади.

– Нет, в сентябре праздновали победу над турками. Ну, когда дворянин этот пробрался во вражеский стан и поджег пороховой склад... Он еще захватил мешки с кофе и первую в городе кофейню основал, знаете, ту, что на углу, в подвале. С тех самых пор ровно в этот день пускают фейерверки в память о поджоге! А день города у нас как раз на солнцеворот, это символично, можно сказать, и, кстати, Магдебургское право нам было пожаловано как раз именно в этот день...

– Плохо мы знаем свою историю, – соглашается Ивана. – Только я вот чего не понимаю. У вас что, сигнализации нет? Как этот мерзавец ухитрился в музей проникнуть?

– У нас, пани Ивана, честно говоря, сигнализация так себе, особенно на втором этаже. А Вермеер как раз на втором этаже и висел последние десять лет. Но техник говорит, что если разбить стекло, то сигнализация среагирует, а если аккуратненько вынуть, то, может, и нет.

– И он, естественно...

– Вынул. И так аккуратно вынул, понятное дело... Нигде не звякнуло.

– А что полиция говорит, он как, один был, не знаете, пани Эльжбета?

– Полиция говорит, один. Следов не оставил, в перчатках работал. У нас тут дома, можно сказать, плечом к плечу стоят, и он с какого-то из соседних по крышам перешел. Полиция говорит, по водосточной трубе.

– Наверное, со двора, – предполагает Ивана. – На улицах народу много было, фейерверк ведь.

– Ну да, со двора. Перелез на крышу музея, а у музея тоже водосточная труба имеется. И он по ней как раз в окно и залез. Картину из рамы вырезал – и обратно... Следовательно, молодой такой, Пилад, кажется его зовут, нет, Орест, точно, Орест, так вот, он сказал, что, похоже, преступник долго обстановку изучал, да и в музее не раз был, потому как чисто сработано. Такая утрата, такая утрата, как мы будем без Вермеера? Граф Потоцкий, даритель, если бы узнал, в гробу бы перевернулся.

– А разве его Потоцкий музею подарил, Вермеера? Я вот сегодня в библиотеке была, специально читала, так там в путеводителе написано, что его австрийский посол подарил курфюрсту. Как бы компенсация за то, что костел сакрекерок разрушили прямым попаданием... А уж курфюрст...

– Нет-нет, путеводители врут все, а каталог музейными работниками пишется. Граф Потоцкий этого Вермеера приобрел на аукционе в Бельгии, в тысяча восемьсот сорок девятом, и преподнес городу. Были же щедрые люди. И всегда народ вокруг нее, всегда народ. И просто зрители, и люди искусства. Это же... чистейшей прелести образец, можно сказать. Тут одна копия с него писала, так она почти месяц ходила. Говорит, так он свет писал, никто так не умеет. Что камерой-обскуром пользовался, это понятно, это модно было в его время, а вот свет... Никак у нее не получалось, жаловалась. Чистый свет... Жемчужный, можно сказать. Она так и говорила – жемчужный.

– Кто?

– Из Венской академии. Стажировка тут у нее была. Так она целый месяц с утра и до закрытия. Только поесть-попить выбегала. Мольберт вон тут ставила и работала.

– Надо же, какой энтузиазм, – восхищается Ивана. – Знала я одну, такая беленькая, худенькая... Ноги такие... ну, кривоватые немножко. Всегда в коротком ходит. Эта?

– Нет, эта чернявая, плотная такая, крупная. Но одета богемно, очки, косынка так на затылке узлом... Блуза такая, полотняная... Но видно, что пышненькая. Не могу оторваться, говорит, волшебная картина. Этот холодный жемчужный свет...

– Высокая?

– Ну, высокая вроде. Крупная такая девушка. Кость широкая.

– Ну, не всем же быть аристократками, – задумчиво говорит Ивана, глядя на свое тонкое запястье.

* * *

На улицах уже королевствует вечер, духовой оркестр на площади у фонтана наигрывает что-то военное, и смеющиеся туристы валом валят в кафе «Зеленый пес» на углу Соборной и в ресторацию «Ленивый кот» на углу Тенистой.

Ивана торопится домой. Ей неспокойно. И чем дальше, тем больше.

Лампочку в парадной так и не вкрутили, вдобавок фонарь на улице почему-то тоже погас, так что Ивана поднимается по лестнице ощупью, стараясь отвлечься мыслями о еде. Сначала она думает о венском штруделе и о замечательной, уютной кофейне, где так хорошо сидеть вдвоем, потом – о том, что вообще не успела пообедать как следует, только перекусила в музее буфета кофе с пирожным, и это смех один. Она думает о том, что как придет домой, сразу переоденется и поджарит себе гренки с тертым сыром и помидором. Можно еще открыть баночку зеленого горошка и нарезать окорок, у нее в холодильнике есть прекрасный кусочек вестфальского окорока, он немножко заветрился, но его можно чуть прижарить, так даже вкуснее получится, а потом сварить кофе и...

Тут она наконец добирается до своей площадки и роется в сумочке, доставая ключи и попутно ругая себя за то, что не успела занести наброски и смету расходов молодому Янеку. Ну ничего, думает она, сегодня тяжелый день, да и вообще, если делаешь заказанную работу слишком быстро, это производит на клиента плохое впечатление. Он может подумать, что ты отнеслась к заказу поспешно и несерьезно. Или что у тебя нет других заказов, следовательно, ты, как профессионал, не востребована.

Она очень нервничает, потому что темно и ей кажется, что кто-то вот-вот бросится на нее сверху, с чердачной лестницы, но ключ наконец находит замочную скважину и проворачивается в ней.

Ивана с облегчением захлопывает за собой дверь и зажигает свет.

Ее прекрасная, аккуратная квартира!

Плюшевая скатерть со стола сорвана, и чайные розы, выпав из разбитой вазы, рассыпались по мокрой столешнице. Вышивка, изображающая девочку с букетом, выдрана из рамы, а сама рама висит на одном гвозде. Этажерка, резная, точно фрагмент убранства костела сакрекерок, лежит на боку, и альбомы с выкройками валяются рядом, распластав листы, точно подбитые птицы.

В спальне Иваны точно такой же беспорядок – шкаф чернеет нутром наружу, пестрые платья, красные пояса, серые пиджаки вывалились, точно внутренности из распоротого тела, с кровати сдернут матрас, и не просто сдернут – распорот ножом, и конский волос из него торчит в разные стороны... Что творится в кухне, Иване и представить себе страшно, но она, преодолевая себя, идет туда, чтобы увидеть выпотрошенный буфет, битые чашки, которые хрустят под ногами, кухонный столик с отвалившимся, точно сломанная челюсть, выдвижным ящичком.

Ивана мечется по квартире, точно хомяк по разоренному гнезду.

В комнате Анастасии такой же разор, с той только разницей, что разор там был и раньше, а потому выкинутый на пол матрас и разбросанные диванные подушки уже не производят такого впечатления.

Только тут она спохватывается. Ладислав или кто там, устроивший такой разгром, что не пожалел мамину чашку, любимую чашку Иваны, не пожалеет и ее – если он еще здесь. А она, Ивана, совсем-совсем беззащитна. Ей некого звать на помощь, некуда бежать. Если меня убьют, никто этого даже и не заметит. Разве пожилой вдовый специалист из ботанического сада будет удивляться, чего это я не беру трубку, почему не отвечаю... А я даже не спросила, как его зовут...

Мелко семена по осколкам и обрывкам, разбросанным по паркету, она бросается к телефону, но телефон молчит, потому что трубка остается в пальцах у Иваны, а шнур беспомощно болтается в воздухе.

В зеркале, где чернеет звездообразная дыра, Ивана видит себя, бледную, раздробленную на несколько несовпадающих фрагментов, и за спиной – еще что-то, встающую из полумрака тень, огромную и живущую как бы самостоятельной жизнью.

* * *

– Так и будешь молчать, старая ведьма? Где она?

А странно все же, думает Ивана, что и он, вслед за Анастасией, назвал ее старой ведьмой. Видно, они давно работали вдвоем и, наверное, научились думать одинаково... Несмотря ни на что... Ну да, плющ на языке цветов – сотрудничество. Зависимость.

– Кто – она? – Ивана приподнимает аккуратные брови. – Анастасия? Это я у вас должна спрашивать.

– Не заговаривай мне зубы. Где картина? Где Вермеер?

– Понятия не имею. Разве... – Ивана не удерживается и ядовито спрашивает: – Разве вы не увезли его в багажнике своего прекрасного красного автомобиля?

– Стерва подсунула мне фальшивку, – говорит Ладислав.

Он точно такой, каким Ивана его себе представляла, – крупный, темноволосый, с большими руками. Она представила себе, как эти большие руки смыкаются на полной шее Анастасии, и вздрогнула.

– Подсунула мне фальшивку, копию, она, оказывается, с самого начала готовилась меня кинуть, а оригинал где-то спрятала, и если ты мне, паскуда, не скажешь, где...

– Оба хороши, – говорит Ивана сухо, – вы, значит, заказали ей Вермеера, а когда она вам его принесла, когда выполнила ваш заказ, решили от нее избавиться? Еще бы – и картина у вас, и денежки целы.

– Ну, – угрюмо соглашается Ладислав.

– А она вас, значит, надула.

– Ну.

– Зря вы ее убили, получается. Поторопились. Когда убивали, получается, еще не знали, что она подсунула вам копию.

– Ну.

– Поспешись, – наставительно говорит Ивана, – людей насмешись. Не убили бы, может, выследили, где она прячет настоящего Вермеера.

– Он должен быть где-то здесь, – Ладислав сжимал и разжимал пальцы, костяшки которых поросли густым темным волосом, – должен. Где еще ей его прятать было? Она хитра была, но я ее перехитрю. И если ты не скажешь мне, где Вермеер, я задушю тебя этими вот руками.

Ивана думает, что, как только он найдет Вермеера, он все равно ее задушит. Кому нужны лишние свидетели, особенно свидетели позора?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.